

МАРИНА ЛЬДЕНБЕРГ

ЗАКЛЯТЫЕ
ЛЮБОВНИКИ

Annotation

Оказаться во власти злейшего врага – такое только на сцене бывает. Так я считала, пока меня не приковали смертельным заклятием к ненавистному герцогу де Мортену, который с радостью превратит мою жизнь в ад. У его помощи слишком дорогая цена, но иначе не разыскать того, кто мне так удружил. Покорность и повинование? Всего лишь очередная роль! Играть я умею, а чувства для актрисы – слишком большая роскошь.

Марина Эльденберт

Заклятые любовники

© М. Эльденберт, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Спасибо родным и близким – за поддержку и веру, за тепло ваших сердец.

Благодарю Еву Пух, которая помогла изящно обойти многие острые углы. Спасибо Наталии Гудожниковой за потрясающую образную обложку для электронной версии, Елизавете Метлиновой – за роскошные вдохновляющие иллюстрации, Яне Поль – за прекрасный коллаж и искреннее внимание к роману, Галине Мишариной – за интересный портрет.

Спасибо замечательным читателям и читательницам с Лит-Эры и Самиздата: всем, кто проживал историю Луизы и Винсента вместе со мной, поддерживал книгу комментариями, оценками и наградами, делился впечатлениями, задавал нужные и интересные вопросы, которые помогли сделать роман лучше.

Благодарю всех, кто откликнулся и нашел время просто сказать спасибо.

– Мисс Луиза, закройте глаза, пожалуйста. И повернитесь к свету. Да, вот так.

Катрина – миленькая, темноволосая и стройная, была в театре новенькой, потому и волновалась. Шутка ли – сразу оказаться в моей гримерной. Чересчур громко звякнула о столик какая-то склянка, ласкающие прикосновения кисточки щекотали скулы, от суетных движений девушки дохнуло жаром свечей. Надо бы распахнуть окно, иначе вспотею так, что никакой грим не понадобится. Помощница колдовала над лицом, а я размышляла, какую маску лучше сделать после спектакля – на ягодах или на травах. Пожалуй, все же на травах, мази слишком жирные.

– Можете открывать.

Из зеркала на меня глянула кукла с фарфоровым личиком. Светло-серые глаза – выразительные, оттененные, чтобы их было видно из зала, пухлые губы, рассыпавшиеся волнами по плечам рыжие волосы под мягким светом почти медовые, под накинутым халатом ровно вздымается пышная грудь. Сама добродетель, встретишь на улице такую девочку – и поверишь в чистоту и невинность. Только в отличие от героини я совсем не девочка: мне уже двадцать пять.

Катрина закончила с лицом и засуетилась у оттоманки – удобного диванчика со спинкой в изголовье, застилая свежей простыней, чтобы не запахнуть. Помощницу отвлек негромкий стук, она тут же скользнула к двери, а через минуту уже вручила мне небольшой сверток.

– Вот, просили передать.

Я улыбнулась, хотела отложить, но любопытство пересилило. Оберточная бумага дорогая, перевязано сиреневой атласной лентой – мой любимый цвет. Интересно, что на этот раз? И от кого? Подарки мне дарили десятками, и большинство из них даже не покидали стен театра: либо переходили к другим актрисам, либо оседали в гримерной. Вот эту картину, где полуобнаженная особа держит в руках светящийся шар, озаряющий светом полумрак какой-то гостиной, прислал один из поклонников. И старинное зеркало в оплетающей его золотом раме, напротив которого сижу – тоже.

– Мисс Луиза, время! – пискнула Катрина.

– Сейчас.

Я развязала ленту и разорвала бумагу. Вкус у дарителя был. Премерзкий. Моему взору открылась ярко-розовая лакированная шкатулка, инкрустированная разноцветными стекляшками, каждая величиной с антал^[1] и размалеванная цветочками настолько аляповато, что просто глаз резало. Щелкнул замок, в кожу словно иголка вонзилась, выступила кровь. Я ойкнула, сунула палец в рот и вскочила. Шедевр работы неизвестного мастера свалился на пол, из него выпала бумажка. Катрина с небывалой прытью подхватила и подала ее мне.

– Поцарапались? Принести вам салфетку?

– Обойдется. Открой окно, пожалуйста.

– Да, мисс.

Незнакомым почерком – таким обычно пишут целители, чтобы аптекарь мог отмерить порошки и компоненты для зелий – в меру корявым, со второй рюмки разборчивым, было написано:

На том, кого ты ненавидишь,

Замкнется круг, сойдется жизнь.
И вот тогда, Лефер Луиза,
Держись.

Буквы плясали вкривь и вкось, словно писали спьяну или левой пяткой. Если загадочный даритель с полным отсутствием вкуса хотел меня удивить, ему это удалось. Для начала, упомянули мое настоящее имя. Имя, от которого я отказалась восемь лет назад и о котором знали немногие. Кроме того, стишок был написан в духе тех, что я любила сочинять на досуге и цитировать от случая к случаю – с детства. Правда, в моих побольше юмора и поменьше пафоса. Или мне так кажется?

Катрина вертела шкатулку в руках – кроме записки в ней ничего не оказалось, и с интересом заглядывала мне через плечо. Перехватив взгляд, залилась краской и сделала вид, что рассматривает бархатную подставку для ног. Я сунула бумажку в карман, скинула халат и удобно устроилась на кушетке. Время подумать об этой ерунде у меня еще будет. Главное сейчас – достойно сыграть девственницу, по воле случая оказавшуюся во власти жестокого тирана.

Помощница принялась втирать в мое тело крем, от которого кожа блестела, словно покрытая мельчайшими капельками пота. Всякий раз, когда взгляд ее наткнулся на мои обнаженные груди с затвердевшими от прохлады сосками, на щеках девушки проступал румянец смущения.

– Мисс Луиза, а вы... ну... – Она помялась. – Как вы согласились сыграть... такое?

Смелый эксперимент молодого сценариста для начала поддержал наш антрепренер – управляющий театра и спонсор в одном лице, а затем и сама королева, посетив спектакль. После этого нас не только не закрыли, но и напечатали статью, в которой цитировали ее величество. «Чувственность и разврат разделяет пропасть, – заявила она, – а в этой постановке я увидела только первое».

Некоторые религиозные деятели были, мягко говоря, не в восторге, а осаждавших перед премьерным показом центральный вход пуритан пришлось утихомиривать полиции, тем не менее очереди вокруг кассы на каждый спектакль заворачивались в крендельки. Сцены были весьма откровенны, на пробы рвались актрисы юные и постарше, неопытные и с именами – как почувствовали золотую жилу. Утвердили меня.

– С радостью.

И ведь не покривила душой. Меня всегда притягивало все необычное, дерзкое. Ну и золотую жилу я тоже почувствовала.

– Вам не было страшно? Или стыдно?

Катрина смотрела на меня во все глаза.

– Я актриса. Мне не бывает стыдно.

Больше мы не разговаривали, а поднявшись, я увидела обнаженную молодую женщину – хрупкую и беззащитную. Свою героиню, Сильви – дрожащую от холода, страха перед неизвестностью и жестоким супругом, рядом с которым ей предстояло пройти все круги ада и обрести любовь. Уколотый палец полыхал огнем, а рука словно заледенела. Странно. Я тряхнула кистью, что-то под кожей отозвалось пульсацией, будто потянули за невидимую нить. Так, сейчас не время обращать внимания на такие мелочи. Тем более что помощница уже спешила ко мне с платьем, помогла одеться, пригладила волосы.

Все готово, Луиза. На выход!

– За успех! – Я подняла бокал.

– За успех! – отозвались остальные.

Стол, накрытый на пятерых, ломился от яств. Голова кружилась – то ли от выпитого вина, которое щедро подливали сидящие по обе стороны от меня кудрявые смуглые близнецы, то ли от восторга. Сияние газовых светильников приглушали абажуры, по выложенным камнем стенам метались тени официантов, тяжелая драпировка портьер, скрывающая окно, окончательно отрезала нас от окружающего мира. В театре осталось море цветов, шумное многоголосье поклонников, не желающих нас выпускать до той поры, пока не получат автографы, подарки и маска невинной Сильви, покорившей публику. Здесь, в узком кругу, в полумраке ложи одного из самых дорогих ресторанов Лигенбурга, можно быть собой.

Так, между братьями больше не сажусь: я встретила взглядом с Рином, и голова закружилась еще больше. Потянуло на всякие глупости – из тех, что наутро стыдно вспомнить, но вспоминается с трудом. Пришлось напомнить себе, что не сплю с партнерами по спектаклям, даже если сплю с ними по воле сценария. Даже если очень хочется. Даже если пьяна вином и общим успехом. Я сделала вид, что разглядываю картину – весеннее небо и тающий снег, растопыренные пальцы деревьев, сквозь которые вдали виднелся неприступный замок и вскрывшаяся река.

– Никогда бы не подумала, что такое понравится зрителям, – заявила Люсьена – белокурая красотка, игравшая любовницу моего мужа – то есть мужа моей героини, разумеется, – но вы с Рином просто созданы для этих ролей. Если бы я сидела в зале, ревела бы в три ручья. А ты что скажешь, Рин? – проворковала она, повернулась к нему и как бы невзначай коснулась запястья.

Не надо обладать выдающимися умственными способностями, чтобы догадаться, что Люсьена к нему неровно дышит. Оно и понятно: тело как у античного бога, без малого шесть с половиной футов роста, светлые волосы до плеч и задорные голубые глаза.

– Скажу, что сегодня кое-кто перестарался. – Он выразительно посмотрел на одного из близнецов.

– Ну извините! – прыснул тот. – Это вы там приятными вещами занимаетесь, а мне – кровать расшатывай. Могли бы и сами расстараться.

Я беззлобно швырнула в него салфеткой.

– Тогда нас на следующий день закроют.

– Вот это вряд ли. – Рин пристально смотрел на меня, и мне вдруг показалось, что в глазах его я прочла отражение своих мыслей: «А что, если?..» – От такого дохода в казну они не откажутся.

У него холодные глаза, но я погружалась в них, как в студеное озеро в жаркий день. Зной – мягкий, как патока, и жаркий, как приморское солнце после полудня, обволакивал, не позволяя закрыться. Хотелось хватать губами воздух, чтобы от его прикосновений-поцелуев на теле вспыхивали ожоги. Чтобы сильные пальцы сжимали запястья, чтобы нестерпимо ломило поднятые над головой руки, но я не смела просить остановиться.

М-да, Луиза. Кажется, кому-то надо меньше пить.

– Помнишь, как на репетиции я пытался порвать на тебе платье?

Нет, он точно решил урвать свое, а я сейчас не могу сопротивляться. Не могу или не хочу? Может ну их, эти принципы, ко всем демонам?

– Расскажешь? – Люсьена, до той поры мирно сидевшая рядом с Рином, вцепилась ему в локоть.

– Оставлю это Луизе.

Вот ведь паршивец! Хочет представления? Будет ему представление! Я облокотилась о стол, слегка наклонила голову.

– Один из любимых моментов публики – когда муж разрывает на Сильви платье. – Я облизнула губы, дотянулась до бокала с вином, отпила. – На мне остается корсет, нижние юбки и кружевные панталоны. На самом деле ткань уже была надрезана: когда на репетиции мы пытались проделать это с совершенно целым нарядом, я заработала синяк на бедре, потому что у Рина с силой сорвалась рука.

Потом мы вместе хохотали над тем, как сценарист представлял эту картину и несколько раз пробовали повторить. Тщетно. Одно дело разорвать легкое девичье платье из кисеи, совсем другое – атлас или натуральный шелк. Сильви, как замужней особе, уже полагались такие наряды.

Я задумчиво поглаживала края бокала. Взгляд Рина однозначно говорил, что он не прочь увидеть меня без юбок и корсета. На сцене мы оправдывали ожидания публики и немного перестарались: невозможно выразить то, что не чувствуешь. Но жизнь Сильви не принадлежала мне – ни на минуту нельзя забывать об игре. Так почему бы не позволить себе сыграть... всего на одну ночь. Почувствовать себя желанной, любимой. Заснуть рядом с мужчиной, проснуться вместе. Всего лишь недолгий обман, но какой сладкий!

Я поднялась, он вскочил следом. В том кабинете мы оставили близнецов, расстроенную Люсьену и остатки приличий. В другое время я бы задумалась о чувствах девочки, но сейчас мне было не до нее. Темное низкое небо, занавешенное тучами поздней осени, манящие уютom окна, свет газовых фонарей, говор на разные голоса, смех, цоканье копыт по мостовой. Холодная морось – не то дождь, не то снег, не только не отрезвила, напротив – ударила по горячим губам иглами контраста.

Рин подсадил меня в кэб, запрыгнул следом и поцеловал страстно, яростно, жарко. Правое предплечье опалило болью, словно кто-то приложил к коже раскаленное железо. Я вскрикнула, а точнее, застонала ему в губы, но он не остановился: отшвырнул мою накидку, расстегнул платье. Совершенно не стесняясь, скользнул руками под сорочку, высвобождая налитую грудь, сжимая ноющие от напряжения соски.

На миг перед глазами помутилось, словно меня целиком окунули в расплавленный металл. Я ни взвыть, ни застонать не могла, только хватала ртом воздух. Рин почувствовал или увидел – не знаю, но тут же отстранился. Вместо распаленного желанием мужчины я видела перед собой перепуганного мальчишку – такого, каким он впервые перешагнул порог кабинета антрепренера.

– Луиза, ты в порядке?

Самый дурацкий вопрос, который только можно себе представить. Впрочем, сейчас мне любой вопрос показался бы дурацким: каким чудом я не спятила от такого, если в детстве мне порез пальца казался концом света – непонятно. Приступ миновал, но правое предплечье под рукавом продолжало пульсировать тянущей болью. Трясло в ознобе, и Рин поспешно притянул меня к себе, закутывая в свой плащ.

Он вынес меня из кэба, на ходу бросил экономке, миссис Купер, просьбу вызвать

целителя, направился к лестнице. Колотя хвостом, навстречу нам вылетел Арк – огромный черный дог, но почувствовав неладное, заскулил, шумно потопал следом. Мы поднимались, а точнее, поднимался Рин, я же безвольной куклой обмякла в его руках.

– Где твоя спальня?

– Первая дверь налево.

Не такой уж у меня большой дом. Всего три комнаты наверху, две из которых – гостевые. Впрочем, гости у меня бывали редко: кто захочет делить кров со скандальной, пусть и известной актрисой? Пламя свечей мерцало приглушенными огоньками, я позволила себе прижаться щекой к сильному плечу Рина и закрыла глаза.

Когда вошедший в спальню аптекарь, мистер Крауч, застучал нечищеными хлипкими для такой погоды шпиглетами по полу, я открыла глаза. Тот бесцеремонно прошелся по дорожному, между прочим, белоснежному ковру, оставляя на нем комья грязи, решительно отодвинул в сторону бледного Рина: лоб его прочертили глубокие морщины, а в глазах застыла тревога. Я что, так паршиво выгляжу?

– Подайте стул, молодой человек! И посветите.

Мистер Крауч был тощий и высокий, как корабельное дерево. Он снял цилиндр, обнажив лысеющий череп, на поданный стул водрузил саквояж и достал оттуда выдавший виды стетоскоп.

– Сознание теряли?

– Нет, – сказала я.

– Да, – произнес Рин.

Я бросила на него испепеляющий взгляд: терпеть не могу признавать свою слабость. Не падала я в обморок, так, ненадолго задремала. За это время он всего-то меня передел, укутал покрывалом, и миссис Купер успела за аптекарем сбегать, подумаешь. То, что у меня вся спальня перед глазами плывет сплошным персиковым цветом, не считается.

– Сорочку опустите, – недовольно произнес мистер Крауч. Сразу видно, что подняли его из кровати: край рубашки торчит из брюк, жилет забавно скособолен: верхняя пуговица застегнута в среднюю петлю. – Как себя чувствуете?

Хороший вопрос. Меня бросало то в жар, то в холод, то и дело от корней волос до пяток прокатывались затихающие отголоски боли, виски ныли, правую руку дергало, как от сильного пореза, внизу живота собиралась тяжесть – томительная, жаркая, болезненно-сладкая. Да, весьма необычные ощущения: то ли помирать собралась, то ли мужика подавай.

– Голову поднять не могу, – я запуталась в завязках, но все-таки справилась с ними и чуть приспустила сорочку, – все тело ломит.

В грудь мне тут же ткнулся потертый коричневый рожок: передвигая его то ниже, то выше, аптекарь придерживал трубки для ушей, которые держались на расшатанном соединителе и честном слове. Он осмотрел меня, несмотря на протесты все-таки сунул в рот серебряный термометр, измерил температуру, пожал плечами.

– Не в положении, случаем?

– Всевидящий упаси!

Я люблю секс, но и о предохранении и последствиях всегда забочусь: все-таки не невинная девочка, да и некогда мне детьми заниматься. К тому же, мой постоянный любовник – граф Вудворд, вряд ли бы обрадовался такому подарочку.

– Ох уж эти мне женщины, – пробормотал, аптекарь, наконец, – чуть-что – хлоп в обморок.

– Обморок?! Вы не видите насколько ей плохо?! – возмущенно воскликнул Рин.

– А вы, молодой человек, не встревайте. Уж я всяко больше вас в здоровье смыслю.

Он взял мою руку, пощупал пульс. От прикосновения ледяных пальцев кожу словно закололо иголками.

– Переволновались, вот и все дела. Выпишу вам капли для спокойствия, завтра с утра они будут готовы, сможете забрать. А это еще что такое?!

Сказать, что не надо мне никаких капель, не успела: внимание привлек черный браслет, обвивающий запястье. Откуда?! Я же терпеть не могу браслетов, да и... не браслет это был вовсе. Отняв руку, изучала миниатюрную змейку, неподвижно застывшую под кожей: выпуклую, как вздувшаяся вена, – она ничуть не напоминала татуировку или грим. Я коснулась припухшей кожи пальцами, змейка шевельнулась, и запястье пронзило болью.

– Гадство!

Аптекарь вздрогнул, словно я пнула его любимую собачку, отшатнулся – судя по всему, осознал, что «гадство» – это еще мягко сказано, а потом с полминуты молча изучал мою руку с безопасного расстояния, как будто змея могла переползти на него. На лбу выступили капельки пота, он долго рылся в саквояже, достал склянку и ложечку. Не меняя позы, готовый в любой момент отпрыгнуть, нанес мазь на кожу над черной гаденой. Она тут же вспыхнула зелеными искрами и зашевелилась. Не знаю, каково было змее, а я зашипела: пульсация – жгучая, раздирающая, прошла запястье и прошла, когда мне хватило ума стереть дурно пахнущее средство о покрывало.

– Я ничем не могу помочь, – пробормотал аптекарь еле слышно. Как будто я сама этого не знала! – Нужно вызвать полицию.

Пламя свечей колыхнулось, дохнуло жаром на лицо. Только тут я вспомнила о том, что Рин все еще здесь.

– Кто-нибудь уже скажет, что произошло? – Он кивнул на змею и вопросительно заглянул мне в глаза. – Что это?

Мне такого знать не полагалось – магией обладают и ей же обучаются только аристократы, поэтому позволила ответить мистеру Краучу.

– Заклятие на крови.

Он собирался, суетился, бормотал что-то про полицию, что он обязан заявить, но я слушала его вполуха. В сознании – и без того измученном, окончательно помутилось. Заклятия на крови считались одним из самых страшных преступлений. За такое полагалась смертная казнь, потому что они несли в себе смертельные чары, снять которые почти невозможно. Нужно знать механизм плетения, а его знает только тот, кто работал над наведением. Чтобы выжить, остается одно – следовать заключенному в заклятии посланию и надеяться, что полиция доберется до заказчика и исполнителя.

– Я пойду, пожалуй, – пробормотал мистер Крауч, – ждите полицейского.

Он поспешно ретировался, я даже не посмотрела ему вслед. И коню ясно, какое заключение он сделал:

«Конец подкрался незаметно,
И тело хладное твое
Из дома вынесут с оркестром
Ой е!»

Такое исправить даже магу-целителю не под силу, хотя мне высший целитель не светит, они ходят только к знати. Кому я перешла дорогу? Мало того что это удовольствие опасно, так еще и сотворить его мог только очень сильный маг. А учитывая, что все маги – аристократы, этот человек должен либо здорово нуждаться в деньгах, либо ненавидеть меня лично. Настолько сильно, чтобы рискнуть титулом, состоянием и жизнью. Чтобы поставить

на место зарвавшуюся актриску? Смешно! Да и не было у меня врагов – таких, чтобы на всю жизнь, чтобы на одном поле не сесть гадить.

Кроме де Мортена. И этот как раз на такое способен.

Я с силой ударила кулаками по покрывалу. Не имею ни малейшего представления, зачем было ждать столько лет, хотя... пожалуй, понятно. Но если он рассчитывал на положение советника ее величества, то здорово просчитался. Я его уничтожу. По стенке размажу! И в первых рядах заявлюсь на показательную казнь. Если, конечно, не сдохну раньше.

На этой мысли меня снова скрючило – так, что я уткнулась носом в подушку и глубоко дышала, пока не отпустило. Рин сел рядом и сжал мои пальцы, в отличие от аптекаря нисколько не опасаясь, что зараза перекинется на него. А зря – некоторые заклятия на крови обладали такими свойствами.

– Не надо. – Я слабо дернулась, но он подхватил меня на руки и прижал к себе.

– Рин, ты не понимаешь, это опасно.

– Совсем дурная? Понимаю я много чего, в частности, что слишком долго ждал, чтобы вот так просто тебя потерять.

Это еще что за новости?! Я приоткрыла слезящиеся глаза и чуть не задохнулась от встречной нежности и тревоги. Откуда они там взялись, в этих льдинках? Всегда считала себя проникательной, но как-то умудрилась просмотреть такое. Или это потому, что раньше мне было все равно?

И тут я приняла решение. Неожиданное, нелогичное, о котором после могу пожалеть. Да почти наверняка пожалею.

– Нужно, чтобы ты съездил в Высший Университет Магии.

Рин улыбнулся: должно быть, решил, что я пошутила, чтобы разрядить обстановку.

– Найди Себастьяна Чепмена и попроси приехать. – Во рту пересохло: впервые за долгие годы молчания я говорила о своей тайне. – Спросишь его на факультете Целительства. Он мой брат.

Проливной дождь барабанил по крыше кэба, заливал окна так, что в подступивших осенних сумерках почти ничего было не разглядеть. А жаль – район, в который мы ехали, один из самых престижных в столице, с красотами здешних парков и домов мало что сравнится. Впрочем, мне было не до видов: перед глазами все плыло, грудь жгло, сердце сдавило, словно в тисках. Демонова змея выросла раза в четыре, и теперь обвивала предплечье до локтя.

– Это плохая идея!

Себастьян не переставал твердить об этом каждые десять минут, с тех пор как я рассказала о намерении встретиться с заклятым врагом. Он то приглаживал светлые волосы, то убирал за уши длинные вьющиеся пряди и смотрел так, словно я уже привидение. Впрочем, что-то в этом было. Если герцог не сведет змею, пока я жива, приду к нему после смерти.

– Я все равно с ним поговорю.

Братец вздохнул и сцепил руки на коленях. В пепельно-серебристой мантии студента Университета, поверх белого костюма и стального, под цвет глаз, жилета, он напоминал служителя Всевидящего или даже одного из светлых, который где-то по пути в грешный мир потерял крылья. Сколько я его помню, Себастьян всегда был таким – утонченным, наделенным немужской красотой. Его длинным ресницам и точеным чертам лица могла позавидовать любая девица на выданье.

– Даже если представить – на минуточку, – он подался вперед и вцепился в поручень, когда кэб поворачивал, – что нас не вышвырнут сразу, думаешь, он согласится тебя принять? После всего, что между вами было.

– Согласится, – я кивнула на серебристо-серый ридикюль, который покоился у меня на коленях, – у меня есть кое-что. Это сделает его сговорчивей.

И без того светлокожий братец стал совсем прозрачным.

– Сестренка, – его голос сорвался. – Ты носишь оружие?

– Можно и так сказать.

– Это не шутки!

– А я не шучу. Дело касается моей жизни.

От озноба зуб на зуб не попадал, пришлось закутаться в накидку и откинуться на спинку. Попасть в городской дом де Мортена без приглашения – не проще, чем войти во дворец, но я была настроена решительно. Заявившиеся ко мне под утро полицейские вели себя так, будто преступница я. Один с видом заправского сыщика все время подкручивал усы и заставил раз десять повторить историю со шкатулкой, потом выпрашивал про моих врагов, а второй что-то лениво черкал в блокноте. Впрочем, это было бессмысленно: недоброжелателей у меня могло оказаться воз и маленькая тележка – хотя бы из тех же личностей пуританского воспитания, вот только вряд ли кто-то из них способен на такое.

– Лу, а если это не он?

– Ему же лучше.

– Это очень плохая идея, – снова повторил Себастьян и вздрогнул, когда кэб резко остановился.

Сравнение с дворцом было не случайным. Особняк возвышался среди соседних домов,

на первом этаже почти во всех широких окнах горел свет. Обманчивый и опасный, как сияние лампы для мотыльков: тепло и уют не распространялись на непрошенных гостей, а от Винсента Биго, некогда маркиза, а ныне герцога де Мортена, еще в молодости веяло стужей. Страшно представить, каким он стал сейчас.

Братец сглотнул и помог мне выйти, раскрыл зонт, который мало спасал от ливня: подол, несмотря на то что я его поднимала, мигом пропитался влагой.

– Нам даже не откроют. – На лице его застыл ужас от предстоящей встречи пополам с надеждой, что все обойдется.

Честно говоря, я уже начинала жалеть, что позволила Себастьяну поехать: уверенности такие разговоры не прибавляли, а мне и без того не по себе! То ли от волнения, то ли от ярости полегчало – уже не так пекло руку, да и перед глазами не мутилось ежеминутно. Будем считать это хорошим знаком, потому что если я не разберусь с этим сегодня, завтра для меня может просто не наступить.

Я решительно поднялась по ступенькам, нырнула под арочный навес парадного входа и постучала – дверной молоток в виде дамы с извивающимися вместо волос змеями напомнил об одной легенде, но как следует проникнуться ей я не успела: тяжелые дубовые двери распахнулись, и высокий джентльмен смерил нас надменным взглядом.

– Добрый вечер. Чем могу помочь?

На Себастьяна напала немота, такое случалось всякий раз, когда братец сталкивался с высокомерием или грубостью, я же быстро шагнула вперед, оттеснив дворецкого в холл и, прежде чем он успел опомниться, заявила:

– Добрый вечер. Меня зовут мисс Луиза Фоссет, и мне нужно переговорить с герцогом де Мортеном. Дело не терпит отлагательств.

Тот опешил и очнулся, только когда братец попытался бочком протиснуться в дом. Ему это удалось, и теперь мы дружно замерли под бдительными гневными глазами слуги, который так и не захлопнул дверь. Очень гневными, потому что все в этом джентльмене – от кончиков начищенных штиблет и блестящих пуговиц униформы до посеребренных возрастом аккуратно уложенных волос источало возмущение.

– Потрудитесь объяснить, – выдохнул он, наконец.

– У меня личное дело к герцогу де Мортену. – Я потрясла подол платья, надеясь только на то, что не выгляжу как мокрая курица. Не хотелось бы предстать перед ним в таком неприглядном виде, но сегодня даже погода была против меня. – И чем быстрее вы проводите нас к камину, тем лучше. Потому что сейчас я начну чихать.

Я и правда чихнула: есть у меня такая особенность – стоит немного подмерзнуть, остановиться уже не могу.

Дворецкий подобрался, как легавая перед прыжком.

– Его светлость сегодня не принимает, мисс Фоссет, – поджав губы, заявил он, – и даже в приемный день к нему можно попасть исключительно по договоренности. А теперь прошу вас...

Он кивнул в сторону двери, его взгляд однозначно говорил о том, что он думает обо мне и моих манерах, а заодно и о том, где мое место – на улице легкодоступных женщин. Себастьян радостно попятился, я же осталась на месте. Седовласый ханжа оказался на удивление прытким: подскочил, схватил за локоть и попытался выдворить меня на крыльцо. Силища у него была ого-го! Не ожидавшая такой подлости я сначала уцепилась за тяжелую вешалку, которая от наших телодвижений пошатнулась и со страшным грохотом обрушилась

на пол, а потом выхватила у Себастьяна зонтик и от души врезала мерзавцу под коленку. Смотреть он мог как угодно, но вот обращаться со мной подобным образом – увольте!

Дворецкий взвыл и чудом не навернулся через подставку для ног, а я скинула утепленную накидку и устроилась на обитой темным бархатом кушетке, аккуратно расправила платье.

– Так вы пригласите герцога?

– Я приглашу полицию! – прошипел он, потирая ушибленное место. – И немедленно!

– О, не торопитесь. А лучше сразу продумайте, что будете им говорить о скандальной актрисе, прикованной наручниками в холле дома не последнего лица Энгерии.

– Наручниками?!

– Ага. – Я демонстративно достала из ридикюля наручники – подарочек Вудворда: в постели граф нередко предпочитал быть скованным. Защелкнула один на своем запястье, второй – на подлокотнике кушетки, а ключ бросила в весьма откровенный вырез платья. – Ну вот, теперь идите за полицией.

Дворецкий прошипел нечто маловразумительное и метнулся к гостиной. Себастьян же не сливался с темными бордовыми обоями, украшенными узорами на несколько тонов светлее, лишь каким-то чудом. На лице его проступили красные пятна, казалось, он вот-вот грохнется в обморок, хотя это полагалось сделать мне. Но нет – я чувствовала себя на удивление замечательно. Голова не болела, даже дышалось легче.

Я давненько не бывала в таких домах, даже в большом холле все кричало о роскоши и богатстве: от алой ковровой дорожки, уводящей по широкой с дубовыми перилами лестнице на второй этаж, до роскошной люстры под потолком. Ее сияние ослепляло, а содержание наверняка обходилось в кругленькую сумму. Уж кто-кто, а де Мортен мог себе это позволить.

– Что здесь происходит?

Низкий мужской голос – я уже почти забыла, как он звучит, и как в прошлом от него по спине и рукам бежали мурашки. Только ли в прошлом? Все слова тут же выветрились из головы. Я повернулась и встретила его взгляд – темный, колдовской, невыносимый. Сколько помню, Винсент всегда казался мне жутким, в его присутствии я чувствовала себя маленькой и никчемной.

– Здесь происхожу я, – голос не дрогнул. Сейчас мне здорово помогло актерское мастерство: когда не знаешь, что делать, представляй, что это происходит не с тобой. Отстраненность высвобождает такие стороны души, о которых ты раньше просто не подозревала. – Здравствуйте, ваша светлость.

Последние слова я произнесла как можно более небрежно. Винсент смотрел на меня, словно в душу заглядывал, но узнал ли? С одной стороны, не так уж сильно я изменилась за последние восемь лет, с другой... Ну мало ли. Я его никогда понять не могла – то ли смотрит так, потому что убить готов, то ли просто несварение заработал. Я не отводила глаз – несмотря на то что хотелось залезть под кушетку.

– Немедленно покиньте мой дом. – В голосе звучал металл: он не умел просить, только приказывать, и обычно его слушались. Себастьян, который до этого изображал торшер, сложил руки на груди. Наверное, будь его воля, свел бы их над головой и закричал: «Я спрятался!» – совсем как в детстве, когда мы бегали по дому друг за другом.

– Не раньше, чем мы с вами переговорим, – я указала на место рядом с собой, – присядете?

Винсенту слабость показывать нельзя, иначе от тебя мокрого пятна не останется, но

когда этот мужчина слушал кого-то кроме себя? Де Мортен медленно подошел к кушетке и теперь возвышался надо мной подобно скале.

– Нам не о чем говорить, леди Луиза.

От забытого обращения все внутри перевернулось. Я похолодела, а следом бросило в жар. Станным образом рядом с ним маска не работала, точнее, не работала так, как нужно. Во рту пересохло, по спине струился пот. Я быстро стянула перчатку и подтянула рукав – змея «дремала», обвиваясь вокруг руки.

– Ваше послание?

Винсент грубо схватил мое запястье, потянул на себя, рассматривая отметину проклятия.

– Думаете, я бы ждал ради этого восемь лет? – Де Мортен окинул меня злым взглядом. – Вам стоит поторопиться, чтобы успеть нанести визиты остальным недоброжелателям.

Еще и издевается, мерзавец!

Неожиданно он провел пальцами по предплечью – там, где притаилась змея, повторяя ее изгибы. Я дернулась, вспоминая о том, что случилось во время близости с Рином, но боли не последовало. Тварь под кожей ожила и зашевелилась, полыхнула зеленоватым мерцанием, но теперь это напоминало скорее легкую щекотку, а не то, что я запихнула руку в камин. В голове все перемешалось: слова Себастьяна про дурацкую затею, мысли о том, что с нынешним влиянием и возможностями Винсента обо мне никто даже не вспомнит – все стало далеким и ненужным, отодвинулось куда-то за грань осознания. Я не могла отвести глаз, словно он меня загнипотизировал, сердце забилось часто-часто, дыхание перехватило, а низ живота свело почти болезненной судорогой желания.

Этого еще не хватало!

Он отпустил мою руку, и все вернулось на круги своя. Точнее, вернулась способность мыслить здраво, а вот желание наброситься на де Мортена прямо в холле, невзирая на присутствие брата и околачивающегося где-то поблизости дворецкого, никуда не ушло. Я больно закусил губу и уставилась на змею, которая на глазах уменьшилась раза в два. Что за...

Додумать не получилось, в сознание ворвался очередной приказ:

– Следуйте за мной.

Я хотела посоветовать ему катиться куда подальше, но вовремя вспомнила, зачем я здесь. Уйти, не получив ответы и лишиться единственной возможности спастись? Ну уж нет! Пришлось шустро доставать ключ из декольте, подхватить юбки и бежать следом: ходил де Мортен быстро, даже не остановился и не оглянулся, не говоря уж о том, чтобы подождать. Ладно, демоны с ним. Главное сейчас – разобраться в том, что происходит, а со своей гордостью я как-нибудь договорюсь. Потом.

Винсент распахнул двери библиотеки: огромный зал, стены которого занимали стеллажи, посередине стоял массивный деревянный стол, а ближе к окну две тахты, широким шагом прошел внутрь. Он зажег настенные светильники и доставал древние, как история его семьи, фолианты с полок, просматривал один за другим, убирал и доставал новые. Одну книгу небрежно швырнул на стол, она распахнулась, чудом не разлетелась на части. Приблизившись, я увидела на пожелтевших страницах рисунки: ящерицы, змеи, пауки – брр, под ними текст на арнейском – древнем языке. Поневоле пожалеешь, что в свое время у тебя не сложилось с этим языком.

– Лу! – сдавленный шепот. Я подпрыгнула от неожиданности: оказалось, Себастьян призраком следовал за мной. Он умудрился побледнеть еще больше, но держался молодцом. Не завидую я ему, за один день столько потрясений. Еще и занятия из-за меня прогулял.

– А вы еще кто такой? – В голосе де Мортена сквозила издевка, словно он только заметил, что я не одна.

– Чепмен, ваша светлость. Себастьян Чепмен. Я брат Луизы.

– Подождите снаружи, Чепмен. Это дело касается только меня и леди Луизы.

Братец вылетел из библиотеки раньше, чем я успела возразить. Дверь за ним захлопнулась с треском, лишив меня последней надежды на поддержку. Ну да ладно, хватит и того, что он рядом. Прямо за этими стенами, и если что... А что, если, кстати?

Я принялась с независимым видом рассматривать библиотеку. Книги, много книг, самых разных. Огромные окна, тяжелые портьеры перехвачены витыми шнурами, все в темных тонах: мрачное, подавляющее, как характер владельца. Сыщик из меня паршивый, конечно, но что-то непохоже, что именно де Мортен возжелал мне смерти. Или все это просто спектакль? Нет, это уже совсем смешно. Зачем ему, если мог просто рассмеяться мне в лицо и выставить вон.

Винсент, до этого увлеченно листавший внушительный том, застыл. Пришлось подойти ближе и выглянуть из-за его плеча – он был на полторы головы выше. Половину разворота занимал рисунок обнаженной женщины, по телу которой вилась черная тварь: оплетала ногу, тонкую талию и заканчивалась удавкой на горле. Художник явно проникся идеей, потому что изобразил все в мельчайших подробностях. Запрокинутая голова и ужас на лице жертвы, змея больше напоминает экзотическую водную гадину, чем мою маленькую неприятность. Волосы на голове зашевелились, стоило представить, как она превратится в огромное чудовище, несущее смерть.

Словно в подтверждение моих мыслей де Мортен издевательски хмыкнул.

– Интересно.

– Что именно? – Что-то мне подсказывало, что ничего хорошего я не услышу, но спросить-то можно.

Винсент повернулся ко мне, прищурился.

– Старинное заклинание, было широко распространено в Темные времена. Первые упоминания о нем встречаются на землях современной Вэлеи, в годы вековых войн. Отправляясь в поход, мужья хотели быть спокойны, что никто другой не займет их место на брачном ложе, поэтому с помощью кровных уз привязывали супругу к себе.

– Что значит – привязывали? – меня передернуло.

– Когда жена изменяла мужу, змея «просьпалась». Если в течение нескольких дней она не находила благоверного и не возвращала ему супружеский долг, изменницу ждала медленная и мучительная смерть. Впрочем, иногда супруг убивал ее раньше.

– Очаровательно!

– И весьма символично. Змея – отражение сути... некоторых женщин.

Щеки вспыхнули. К счастью, у меня нет супруга, и верность мне блюсти некому. Если только... Вспомнился стишок – единственная весточка от «доброжелателя», странная реакция твари на Винсента, необъяснимое влечение к нему, и вот тут мне окончательно поплохело. Я на всякий случай отвела руки за спину и невинно поинтересовалась:

– Для заклатья нужна кровь не только жены, но и мужа?

Вот сейчас и узнаем, кто мне так удружил. В древних семьях испокон веков хранились зачарованные образцы крови каждого члена семьи – с момента рождения, чтобы в случае внезапной, а особенно насильственной смерти аристократа следователь-некромант мог поднять жертву и выяснить, что произошло. Не думаю, что к фамильному ларчику семейства де Мортен было так просто подобраться.

– Да. – Брови Винсента снова сошлись на переносице, а взгляд впился мне в лицо. О чем он думает? И почему так странно смотрит? – Либо того, к кому собираются привязать женщину.

Я поискала глазами стул. Хотелось оказаться на краю света, воды или просто сесть. Де Мортен не выглядел заинтересованным или просто вошел в роль. Хорошая игра ничем не отличается от правды, а в парламенте без игр и масок не обойтись. За несколько лет наверняка натренировался по самое не балуйся, а теперь забавляется со мной как кошка с мышкой.

– Как избавиться от заклатья? – Я постаралась смягчить звенящий в голосе гнев, зато пальцы сжала так, что ногти с силой впились в ладони.

– Его может разрушить только тот, кто создал.

Винсент пробежал глазами страницу, с силой захлопнул книгу. Решимость в его взгляде смешалась с холодной яростью и карие глаза полыхнули так, что стало не по себе.

– Рассказывайте, что произошло. – Он шагнул вперед, я невольно отшатнулась, больно ударила о стол. Де Мортен приблизился вплотную, и сейчас я отмечала, что он почти не постарел, в темных как смоль прядях не появилось ни одной серебряной, лоб не прочертили глубокие борозды морщин, даже складки в уголках губ едва уловимы. Оно и неудивительно: резкие и даже немного грубоватые черты лица спасала ухоженность, а чувства этому мужчине недоступны. С чего бы меняться, когда единственный, кто тебя заботит, – ты сам!

Оказаться привязанным к нему?! Да лучше в вонючем пруду утопиться! Понятно, зачем он ждал восемь лет. Когда я перешла ему дорогу, Винсент Биго был сыном герцога. Теперь унаследовал титул отца, а заодно умудрился предотвратить заговор и спасти королеву. Даже если я решу заявить на него в полицию, будет слово актрисы против слова герцога де Мортена. И ведь нашел время, мерзавец, чтобы ударить побольнее! Гад ползучий! Кому поверят? Да неважно! Устрою ему веселую жизнь – так, что мало не покажется.

Вряд ли я отдавала себе отчет в том, что делаю, потому что бросилась на него в лучших традициях темпераментных южанок. Вцепилась в камзол с такой силой, что ткань затрещала под пальцами, залепила пощечину и вздрогнула: будто сама себе ладонью по щеке прошлась, а в следующий миг горячие пальцы Винсента уже сомкнулись на моей шее, слова застряли в горле. Лицо де Мортена потемнело, ноздри сильно раздулись, он недобро прищурился. Но

тут, видимо, заметил мою щеку, которую до сих пор неприятно жгло, приподнял бровь.

– Интересно, – повторил он тоном ученого, обнаружившего новый вид насекомого.

Демоны, как же я ненавижу этого человека! Вцепившись руками в его запястье, жалела только о том, что оружие-зонтик остался в холле. В коконе платья я была беспомощна, как бабочка в паутине. Одновременно снова накатило желание, сладко заныло в самом низу живота. Прижаться к его губам, почувствовать напор и грубую силу – ощущения, которые я не раз представляла в прошлом. Словно продолжение моих мыслей, он ослабил хватку и сейчас поглаживал впадинку у самой кромки волос. Я с трудом подавила желание запрокинуть голову, с силой оттолкнула его.

– Держитесь от меня подальше!

– Осторожнее, леди Луиза, – процедил Винсент, схватил меня за плечи и резко развернул. – Мое терпение не безгранично.

Поворачиваться спиной к злейшему врагу – плохая идея, еще хуже – оказаться над столом в весьма неприглядной позе, больно упираясь локтями в поверхность и созерцая совершенно не возбуждающие рисунки всяких земноводных. Правда, на земноводных мне стало наплевать, когда де Мортен стал дергать за крючки платья. Я попыталась брыкаться и дергаться, но добилась только того, что оказалась прижатой к столу настолько плотно, что с трудом могла вдохнуть. Он с силой сжал мои запястья, заставляя вытянуть руки, горячее дыхание опалило кожу на затылке. На любовную прелюдию это походило меньше всего, но, что самое ужасное, мне нравилось. Когда пальцы коснулись обнаженной спины, я вздрогнула и глубоко вздохнула.

– Что вы творите, – зло прошипела я, хотя желание стелиться под ним бессовестной простынкой не прошло, только усилилось. – Немедленно...

– Заклятие работает таким образом, – он перебил меня, а дальше словно приговор зачитывал, – что когда жена противится воле супруга, змея становится больше. Если она станет упорствовать...

– Можете не продолжать! – на глаза наворачивались злые слезы – обиды и полного бессилия. Как мое тело при этом умудрялось плавиться от каждого движения – даже грубого рывка, когда он буквально выдернул из-под меня верх платья и положил ладонь мне на спину, заставляя прогнуться, ума не приложу. Тонкая нижняя сорочка не спасала, соски терлись о грубую ткань корсета. Я словно разделилась на две части, одна кричала во все горло, требуя прекратить это унижение, вторая умоляла продолжать.

Винсент раздевал меня, словно для него это ничего не значило: быстро и равнодушно. Последнее особенно отражалось в его молчании, которое нарушалось только шелестом ткани нижних юбок и моим прерывающимся дыханием. К ногам упал кринолин, и де Мортен ладонью скользнул по внутренней стороне бедра, а затем между ног. Тонкая ткань панталон не защищала от жара, что распалили жесткие ласки. Я уткнулась взглядом в змею, которая почти скрылась под его рукой, хватала губами воздух и надеялась только на то, что это закончится как можно скорее. Ну, хотя бы в чем-то повезло: стоило его пальцам скользнуть внутрь, как я забилась в оргазме, сгорая от удовольствия и мысленно проклиная себя и демонова Винсента, чтоб ему всю оставшуюся жизнь страдать от воздержания!

Он отпустил меня так же резко, отступил на шаг, и я только чудом не сползла на пол. Уцепившись за край стола, медленно выпрямилась и увидела, как де Мортен вытирает руку платком. Лицо непроницаемое, сквозной безразличный взгляд – как на пустое место. Наваждение рассеялось, уступая место стыду: меня сложно назвать образцом целомудрия, но

я никогда и никому не позволяла с собой так обращаться!

Тем временем Винсент потянул меня за руку, рассматривая змею: едва заметная, свернувшаяся на ладони, сейчас она больше напоминала крохотный рисунок тушью. И на том спасибо. Приду домой, приму ванну и забуду обо всем, как о страшном сне. Хотя нет. Не забуду. И просто так этого уж точно не оставлю!

– Кто-то использовал мою кровь для создания запрещенного заклинания.

– Какая трагедия! – Я отдернула руку, разглядывая собственные одежды, которые мне теперь полчаса натягивать в одиночку. И кто будет помогать застегивать платье, скажите на милость?! – Хм...

До меня только что дошли его слова. Если после всего он продолжает ломать комедию, значит, я все-таки погорячилась с выводами. Вряд ли это его рук дело. Но тогда чьих?

– Вам повезло, что дело касается меня, – он швырнул платок в мусорную корзину, – и что я этого так просто не оставлю. Приводите себя в порядок, через полчаса вас проводят ко мне в кабинет.

Если бы с потолка упала наковальня в розовый цветочек, мое удивление было и то меньше. Я даже забыла о том, что стою в нижнем белье, внутри кринолина и шагнула вперед. Споткнулась и полетела прямо на него.

– Ценю ваше рвение, – он усмехнулся и, убедившись, что падать больше не собираюсь, отступил в сторону, – но на сегодня с вас хватит.

– На сегодня? – Голос предательские сел. – Заклятие было разрушено!

– Кто вам такое сказал? Мы с вами связаны до тех пор, пока не найдем этого шутника.

Перед глазами потемнело, я не по-женски шумно плюхнулась на стул. Как была, в корсете и панталонах. Двадцать минут позора пережить можно. А если их будет сто двадцать? И не минут, а часов, дней, или, не дай Всевидящий, недель?! Пришлось вцепиться ногтями в колени, чтобы не затопать ногами и не закричать. Каждое утро просыпаться с мыслью, что я в его власти, полной и безоговорочной, выполнять любую прихоть и растекаться под ним безвольной подстилкой... Под ним! Нет уж, увольте. Лучше сдохнуть в страшных муках во цвете лет.

– Ну-ну, не стоит так переживать. – Я подняла глаза и встретила его по-прежнему безразличный взгляд. – Если вы так терзаетесь сейчас, что же будете делать дальше?

Ответа Винсент дожидаться не стал, развернулся и направился к выходу, а я подхватила со стола книгу и от души запустила в него. Такого всплеска ярости та не пережила: ударилась о дверной косяк рядом с его плечом и разлетелась на множество листов. Де Мортен даже не обернулся.

– Страницы сложите по порядку и принесете мне, – холодно произнес он и напомнил: – Через полчаса, в моем кабинете.

Я пробормотала нечто позволительное актрисе, но совершенно недостойное леди, и показала закрывшейся двери язык. Поднялась, подошла к несчастной книге и снова выругалась: на рассыпавшихся по полу страницах не было номеров.

Кабинет был под стать хозяину: мрачный и темный, не спасало даже мягкое сияние настенных светильников и чья-то неуместная попытка оживить этот склеп цветами в кашпо. Я устроилась в высоком кресле, разглядывая руку и дремлющую на ней мелкую гадину. Впервые в жизни во мне проснулась кровожадность: хотелось схватить лежащий рядышком нож для резки бумаги и пронзить ее насквозь. И плевать, что больно будет мне! С другой стороны, можно было бы пронзить этим ножом совсем другую гадину, которая сидела напротив и листала принесенную книгу. Разумеется, складывать листы по порядку я не стала – просто сгребла все в одну кучу, запихнула между створками обложки и вручила ему.

– Заклятие связывает жизни, поэтому жены умирали вместе с мужьями.

Я чуть не подпрыгнула: мысли он, что ли, читать умеет?

– У вас на лице все написано, – заявил де Мортен, – из чего я делаю вывод, что актриса из вас тоже посредственная. На случай, если когда-нибудь все же решитесь оборвать свою жизнь таким пошлым образом, прежде я сломаю вам руку.

Это было сказано будничным тоном, но мой пыл, особенно встрепенувшийся после слов о посредственности актерского мастерства, в котором я выкладывалась на полную, все же поумерило.

– Чего мы ждем? – буркнула я, надеясь, что это «что-то» разрешится в самом скором времени. Находиться с ним в одной комнате становилось невыносимо, отчаянно хотелось принять ванну и поспать. Особенно учитывая то, что ночка у меня была «веселой», да и день сомнительно задался. Себастьян отправился в Университет, я пообещала написать ему, как все прошло. Судя по тому, с какой прытью он выскочил под дождь, братец был рад, что его джентльменские обязанности по отношению к непутевой сестрице на сегодня исчерпаны.

– Кого. Человека, который может помочь вам с этой историей.

Как будто помощь только мне нужна! Да не встрянь он в эту историю по самые... гм, уши, я бы уже благополучно отбыла в мир иной.

Де Мортен отложил книгу и подвинул ко мне стопку бумаги, чернила и перо.

– Можете начать с составления списка ваших врагов. Сообщите, когда закончатся листы.

Я мило улыбнулась и скрестила руки на груди.

– Не хочу набить мозоль, повторяя ваше имя.

Нет у меня врагов, если уж так подумать. Завистники, недоброжелатели – да, но не больше. Я вообще считаю, что враг – слишком громкое слово, если только оно не относится к сидящему напротив типу.

Де Мортен прищурился.

– Не видел вас много лет, и не видел бы еще столько же.

Я подалась вперед, длинные волосы скользнули вниз – прическу пришлось распустить, потому что с крючками на платье справиться не удалось, и теперь оно то и дело норовило сползти, а декольте стало еще глубже, и добавила настолько мягко, насколько это вообще возможно:

– Взаимно, ваша светлость.

К счастью, в дверь постучали, знакомый не с лучшей стороны дворецкий приторно-скисшим голосом объявил:

– Лорд Фрай, ваша светлость.

– Хотел бы я сказать, добрый вечер, но погода сегодня словно с ума сошла. – Гость прошел к столу, удивленно приподнял брови, глядя на меня: то ли его смутила моя растрепанность, то ли присутствие в принципе – в недрах кресла я спряталась знатно. Тем не менее, в отличие от владельца дома, с манерами мужчины был знаком и сразу поцеловал мне руку.

– Лорд Альберт Фрай, – в глубине темно-зеленых глаз мелькнуло узнавание и немой вопрос. Ростом тот ничуть не уступал де Мортену, а вот черты лица были значительно мягче. Двигался он стремительно и плавно, как ртуть, весь его облик говорил о том, что Альберт далеко не прост – под небрежной учтивостью взгляда таилось нечто серьезное и опасное. Каштановые не по моде короткие волосы и интересный разрез глаз – очевидно, в родне у него были потомки древних кочевых народов. Словом, тот самый тихий омут, в который лучше не совать пальцы чтобы освежиться: руку отгрызут по локоть.

Я хотела представиться, но меня опередили.

– Леди Луиза Лефер, непутевая дочь виконта, от которой тот отказался.

Придушить его хотелось уже за одно только пренебрежение, с которым он отзывался о моей семье. Пусть мы с отцом и не ладим, но это не повод позволять всяким там герцогам гнуть нос. Интересно «вежливость» де Мортена распространяется только на меня или у него преждевременный старческий маразм, и он просто забыл о приличиях?

– Берт, прошу. – Винсент даже не потрудился подняться, чтобы поприветствовать гостя. – Леди Луизе не повезло стать жертвой заклятия, для которого использовали мою кровь.

Альберт не изменился в лице, устроился в соседнем кресле и вытянул ноги.

– Приятно познакомиться, леди Луиза, – одарив меня очаровательной улыбкой, он сразу перешел к делу: меня опять расспрашивали про шкатулку – долго и нудно, хмурились, когда я сказала, что оставила ее в театре и уже сообщила обо всем полиции, и явно воодушевились, когда узнали про записку. Спрашивали и про недругов – я честно назвала одну девушку, которая полгода назад умудрилась насыпать мне в пудру толченого стекла, – к счастью, это заметили раньше, чем я успела ею воспользоваться, и прожечь платье перед выступлением. Говоря по правде, я считала, что это большее на что она способна, о чем тоже сказала сразу. Еще вспомнила имя одного баронета, который с завидной регулярностью слал мне письма и расписывал незавидную участь таких греховодниц, как я. Потом расспрашивали о ближайшем окружении, вытрясли все имена за последние несколько лет: Себастьяна, Рина, Люсьены и близнецов, да еще мачехи, с которой я изредка переписывалась. Проверять будут всех, даже миссис Купер, которой не повезло оказаться моей экономкой, и камеристку – слишком большую шишку кто-то зацепил по глупости.

За беседой я тщетно пыталась разгадать, кто же такой Альберт – в обществе де Мортена он чувствовал себя своим, не заискивал и вообще вел себя как в компании лучшего друга. Чем он может заниматься? Частный сыск? Кто-то из особо приближенных ее величества или – что еще веселее, тайной полиции? Если так, то я по-настоящему влипла.

После расспросов меня выдворили из кабинета и проводили в малую гостиную – разумеется, тоже в темно-бордовых и коричневых тонах, с редкими островками золота и пастели. Сначала я хотела устроиться на диване, но уже успела как следует замерзнуть, поэтому выбрала кушетку поближе к камину, обхватила себя руками, чихала в платок и наблюдала, как пляшет пламя внутри резной темно-серой арки. Все лучше, чем смотреть на гобелены с древними сюжетами, где то кого-то копьем пронзают, то кого-то за глотку держат.

В противовес этому картина над камином смотрелась просто восхитительно: полуголая светловолосая девушка бесстыдно разбросала ноги между атласных покрывал и хитро улыбалась, наматывая на палец длинную прядь. Из-под приспущенной сорочки выглядывала маленькая упругая грудь с потемневшим соском.

Сейчас, когда эмоции схлынули, я уже могла мыслить здраво. Итак, что мы имеем? Мисс Луизу Фоссет, бывшую леди Луизу, дочь виконта Лефера, которая никому не нужна. И герцога де Мортена, на которого оглядывается весь высший свет Энгерии, особенно после того как его записали в фавориты ее величества. Пожалуй, логичнее предположить, что дело в нем, а не во мне. Этого только еще не хватало – оказаться в самом центре политических интриг! Я и сама не вчера родилась, но там игроки такие, что две минуты не протянешь без должной сноровки.

– Вы еще здесь? – голос де Мортена за спиной заставил вздрогнуть и подскочить.

От резкого движения платье снова поехало вниз, пришлось его подхватить.

– А где я, по-вашему, должна быть?

– У себя дома, собирать вещи. Вы переезжаете ко мне.

– К вам? – Я не выдержала и рассмеялась. Вышло немного истерично.

– Если хотите жить. – Винсент взглянул через мое плечо и выше – уж не на девицу ли на картине? Да, точно, на нее. И как смотрит, челюсть только чудом в полу не застряла. В библиотеке я уж грешным делом подумала, что он мальчиками увлекается, потому что так безразлично меня еще никто не лапал. Да и в прошлом не было между нами ничего... такого, что могло бы опровергнуть мою теорию. Кроме поцелуев и подгибающихся от его близости коленей. Зато теперь есть.

– Полицией займется лорд Фрай, от вас требуется только одно: держать язык за зубами. Справитесь?

Почему-то захотелось повторить трюк с дворецким, и я покосилась на каминные щипцы. Правда, если из-за заклятия прилетело от простой пощечины, то после такого я несколько дней хромать буду, оно мне надо? Эх, что за жизнь-то такая!

– И ради такой ерунды, – я выделила последнее слово, – мне обязательно перебираться к вам?

Де Мортен подошел почти вплотную, так близко, что я почувствовала запах одеколona – острый, пряный, волнующий, и мятных сигар. Смотреть ему в глаза было почти больно, но мне не пришлось опускать взгляд: он резко и бесцеремонно развернул меня лицом к картине. Я дернулась, когда его рука скользнула по шее, убирая волосы, но Винсент всего лишь стал застегивать платье. До меня доносилось клацанье крючков и отчаянное биение собственного сердца.

– Послезавтра. В восемь утра. Опоздаете – будете разбираться со змеей сами.

Удаляющиеся шаги. Я обернулась, только когда они стихли, постояла несколько минут, выравнивая дыхание. Дворецкий провожал с таким видом, как если бы я была большой говорящей крысой: голову задрал, смотрит куда угодно, только не на меня. Накидку подавал, держа двумя пальцами, словно какую-то гадость из отхожей ямы выгацил. Под проливной дождь я выползла без зонта – его уволок Себастьян, закутавшись в плащ с головой, только кончик носа из капюшона торчал. Облегченно вздохнула, наступила в глубокую лужу, но даже это мне настроения не испортило. Бежать, как можно дальше от этого проклятого дома! А что делать дальше, подумаю потом.

Злая, если не сказать больше, замерзшая, промокшая и голодная, я хотела всего лишь отогреться в ванной, смыть с себя прикосновения де Мортена и поспать. Хотя бы несколько часов! Не получилось: дома меня уже дожидался Рин. Сложил руки на груди и прохаживался по холлу туда-сюда, как оживший белообрый маятник, за ним по пятам следовал Арк. Увидев меня, пес радостно взвизгнул и из огромной угрожающей махины мигом превратился в щенка. Колотил хвостом, поскуливал, тыкался носом в руку. Ставить лапы на плечи я его отучила еще в недалекой собачьей юности, потому что от такого проявления нежности часто оказывалась на полу. Погладила – иначе не отстанет, и указала в сторону гостиной, дог послушно прошлепал туда.

Рин помог мне снять накидку, стянул перчатки, сжал мои руки, согревая их дыханием, а затем увлек в комнату, поближе к камину. Не такому роскошному, как в доме де Мортена, зато без давящей мрачной обстановки, устрашающих полотен и голых дамочек, на которых в моем присутствии беззастенчиво плятятся. Как же приятно очутиться в светлой комнате, где все в кремовых и коралловых тонах, а самое темное, что есть – столик орехового цвета между креслами и диваном. Я взяла подушечку, и мы устроились прямо на ковре. Рин смотрел с удивлением, словно не решался спросить, почему мои волосы не уложены в прическу, а свободно струятся по плечам, но потом просто притянул меня к себе. Ладонь тут же пронзило болью, я поспешно отстранилась, придвинулась ближе к огню – якобы погреться.

– Из полиции новости не самые хорошие, шкатулку они не нашли. После их ухода я перевернул все, но...

– Прекрасно, – буркнула я.

Разумеется, после выступления было не до этой розовой феерии, она осталась в примерной. В следующий раз буду знать, что домой надо тащить все и сразу. А то мало ли.

– Зато записка осталась! – Рин с видом бывалого сыщика вытащил из кармана клочок бумаги и помахал им у меня перед носом. – Нашлась в твоём халате.

– Позволь? – Я взяла листочек из его рук, развернула, разглядывая нарочно растянутые «пляшущие» буквы. Мне почерк ни о чем не говорил, надеюсь, Фраю поможет в расследовании. Кто бы ни стащил шкатулку, он явно очень торопился, если забыл о записке. Или же посчитал, что я забрала ее с собой.

– Я попрошу заняться ужином. Ты, наверное, голодна.

Я кивнула и облегченно вздохнула, когда Рин вышел. Тяжело находиться рядом и знать, что ты сама себе не хозяйка. Да и не получалось думать ни о чем, кроме случившегося у де Мортена. Жить вдали от него я буду недолго, а жить с ним... нет, это выше моих сил! Должен же быть другой выход. Разум подсказывал, что другого выхода пока нет и что он не шутил: с чувством юмора у Винсента туго. Какая-то подлая часть меня, отравленная заклятием, страстно отзывалась на его ласки. Она же опалила жаром от корней волос и до кончиков пальцев, стоило вспомнить о грубых прикосновениях и небрежности резких движений внутри.

Я похлопала по коврику, Арк немедля подошел, улегся рядом, а я гладила его и пыталась размышлять, как избежать участи личной нимфоманки де Мортена. Пока что в голову ничего не приходило. С магией я не дружу, у большинства женщин магия вообще слабее, чем у мужчин, ну а мне особенно «повезло», только на всякие зелья для красоты гожусь. Если бы

бабушка была жива, она бы точно дала совет, но несколько лет назад ее не стало. Дед – жесткий, излучающий здоровье и силу мужчина, после этого начал быстро сдавать. Поразительно, но их брак по расчету обернулся настоящим глубоким чувством. Почему-то от него давно не приходило писем, даже на мое последнее не ответил. Потерялось что ли?

– Ужин скоро будет готов, – Рин вошел в гостиную, наклонился и поцеловал меня в макушку, – а ты обещала мне все рассказать.

Что и говорить, мой братец из Университета Магии его здорово заинтриговал.

– Рассказывать особо нечего. Мы сильно поругались с отцом, мне пришлось уехать.

– Сомневаюсь, что все было настолько прозаично.

– В жизни прозы больше, чем поэзии.

– Ты так считаешь?

Я пожала плечами.

– А что думаешь про Яра и Сильви?

Странно, но про наши роли мы никогда не говорили. Зато Рин навел меня на интересную мысль: если представить, что все что происходит между мной и де Мортеном, – всего лишь игра, возможно, у меня получится это вынести. Не сойти с ума от влечения, от издевок и пренебрежения, не наброситься на него и продержаться до того, как сцапают мерзавца. Эта мысль настолько мной завладела, что я на какое-то время потерялась в собственном сознании. Не реальность, игра. Всего лишь роль. Просто... такая пикантная. Ну так мне не привыкать, правда?

– Луиза?

– Сильви – слабохарактерная дура.

– Вот как? – Он отстранился, с интересом заглянул мне в лицо. – Что бы ты сделала на ее месте?

– Дала бы муженьку от ворот поворот. Она аристократка, могла развестись.

– Не развелась, потому что полюбила.

– Ну я и говорю – слабохарактерная дура. От такой любви одни проблемы.

Рин покачал головой, улыбнулся, молодея на глазах. Вообще-то он и так младше меня на два года, а первое время – пока мы притирались на репетициях, приходилось его многому учить. Создавалось ощущение, что это Яр – девственница, а не Сильви.

– Ты сегодня странная.

– Я всегда такая.

– Не всегда. – Рин взял мою руку, поцеловал пальцы. – Все совсем плохо?

Ответ сам собой сложился в строки:

«Хотела б я сказать, что плохо,
Но лучше напишу письмо:
Позвольте, буду откровенна... Словом,
Дерьмо!»

Разумеется, вслух я этого не сказала. Признаваться мужчине, который к тебе равнодушен, что ты становишься озабоченной при виде другого, пусть даже и не по собственной воле, – это не драма и даже не фарс, а какая-то непонятная ерунда.

– Не совсем. Я нашла того, кто может помочь.

– Но?

– Но благотворительностью этот человек не занимается.

По крайней мере, по отношению ко мне. Я не следила за тем, чем де Мортен занимается. Ну, почти.

– Луиза, если дело в деньгах...

– Дело не в деньгах, Рин.

Он понял: вскочил, сжал кулаки, крылья носа затрепетали. Почему я раньше не обращала внимания, насколько он красив? Настоящей мужской красотой: рослый, сильный, высокие скулы, выразительные глаза под густыми бровями, а когда хмурится – как сейчас, сразу становится жестким, но не менее привлекательным.

– Кто он? – процедил Рин. Арк встрепенулся, поднял голову, напряженно наблюдая за каждым его движением.

– Лучше тебе этого не знать.

Он скрестил руки – так, что светлая рубашка натянулась, подчеркивая крепкие мышцы. Доведись ему схватиться с де Мортеном, неизвестно кто летел бы кубарем с лестницы – разумеется, если магию не использовать. С силой Винсента мало кто способен тягаться, у него это наследственное. Старинный род, корни, уходящие чуть ли не к армалам – древней расе, по преданию, не знающих в магии преград. Это сейчас волшебство скорее роскошь, раньше без него было никуда.

– И что же, иначе это решить нельзя?

Я вдруг поняла, насколько устала. Знала, что не обязана перед ним оправдываться, что могу вообще ничего не говорить, но почему-то произнесла:

– Можно. Если не соглашусь, заклятие убьет меня в течение нескольких дней.

Рин побледнел, а потом с такой силой ударил в стену возле камина, что декоративная фигурка зашаталась и рухнула рядом со мной. Арк прижал уши, ощерился и зарычал, а я схватила его за холку двумя руками. Во избежание.

– Надеюсь, он действительно сможет помочь, – процедил Рин, а потом развернулся и вышел из гостиной. Хлопнула входная дверь, я вздрогнула, как от удара, отпустила пса и медленно поднялась.

Вот и все. Пожалуй, теперь можно спокойно поужинать и принять ванну. А потом этот демонов день наконец-то закончится.

В назначенный час я стояла у дома де Мортена с дорожным саквояжем и приличных размеров сундуком, в котором весьма сомнительно уместилось все самое необходимое. Только-только начинало светать, все окна были темными. Рядом со мной переминался с лапы на лапу Арк. Он тоже не понимал, почему мы встали в такую рань и сквозь густой туман да сырость тащились через полгорода в эту обитель роскоши, где даже кучу на газон наложить страшно: ни листочка, ни пожухшей травинки, только земля в свете фонарей поблескивает тонкой корочкой льда.

От центра столицы место выгодно отличалось тишиной, спокойствием и размеренностью. Казалось, здесь даже время течет иначе – неспешно, в духе светской жизни, которая начинается за полдень. Немногочисленные роскошные особняки только по одну сторону улицы, по другую – набережная с невысоким узорчатым парапетом. С реки невыносимо тянуло холодом, я поежилась, чихнула и снова постучала. Уже громче. Вдобавок к озабоченности одним неприятным типом подцепить простуду – это будет слишком.

Раздались шаги, дверь отворилась.

– Вы! – тонко взвыл дворецкий.

– Я!

На сей раз он оказался более прытким и захлопнул дверь быстрее, чем я успела войти. Прелестно, де Мортен не потрудился даже предупредить о том, что я приеду. Вот гад! Раздражение, которое кое-как удалось успокоить, снова закипело в душе. Я постучала еще. Сильно. Затем ногой – насколько позволяло платье.

– Уходите, или я вызову полицию! – донеслось из-за двери.

Вместо ответа я набрала побольше воздуха в легкие и заорала во всю силу:

– Винсент! Герцог де Мортен! Скотина бессердечная, я замерзаю у тебя на крыльце! Винсе-е-ент!

Голос у меня пронзительный, это мне еще с детства говорили. Няня в ужасе делала все, чтобы только заставить меня замолчать. Уж не знаю, на какую сторону выходили его окна, но надеюсь, что во сне он споткнулся об овцу.

Дверь распахнулась снова, на пороге возник пунцовый, как вареный экзотический обитатель недр морских, дворецкий.

– Совсем сдурели? – прошипел мне в лицо.

– Я замерзла, – заявила я, – к тому же меня ждут.

– Его светлость ни о чем таком, – последнее слово он процедил так, словно вымазался в нечистотах, – не предупреждал.

– Значит, у его светлости преждевременные провалы в памяти!

– Ни стыда ни совести!

– Я их отморозила. – Я решительно шагнула вперед, но он преградил мне путь.

– Вон, я сказал! Убирайтесь, вы, бесстыжая...

– Арк, взять!

Сама не знаю, что на меня нашло, никогда такого не делала. То ли подбодрил очередной порыв пронизывающего холодного ветра, забравшийся под накидку и шляпку, то ли мелочная злоба в глазах этого типа. Пес подобрался, сделал стойку и выразительно рыкнул. Спустя мгновение дворецкий уже лежал на полу, а дог осторожно держал его за горло. Я подобрала

юбки, перешагнула через замершего ханжу и прошла внутрь. Решимости моей мог позавидовать взвод королевских гвардейцев, которым сообщили, что пробил час ценой жизни защищать ее величество. Я готова была заглянуть в каждую комнату, чтобы найти де Мортена и высказать все, что о нем думаю, но не пришлось. Герцог соизволил выйти ко мне сам.

Застыл наверху – взъерошенный, с растрепанными волосами, в небрежно застегнутой на несколько пуговиц рубашке и брюках. Либо Винсент спит в одежде, либо полностью обнаженным. Скорее второе. На этой мысли бросило в жар, словно не я только что стучала зубами от холода на пронизывающем ветру. Хорошо хоть голым не вышел встречать, с него станется. Брови сдвинуты, взгляд прожигает насквозь, вид злющий: настоящий медведь, разбуженный посреди зимы. Вот только мне не от него хотелось бежать, а к нему. Несмотря на то что во всем было виновато заклятие, это удручало. Но ему я своих чувств показывать не собиралась.

– Голосите, как уличная девка. – В комплиментах де Мортен недалеко ушел от своего прислужника. – И что псина делает в моем доме?

– Собака прилагается ко мне. – Я с вызовом встретила его взгляд и вздернула подбородок: – Не вы ли велели мне собрать вещи и явиться к вам к восьми утра. Собрала. Явилась. Вы чем-то недовольны?

– Тем, что вы перебудили всю улицу.

Он перевел тяжелый взгляд на дога, ни слова не сказал, но тот сразу отпустил дворецкого и попятился ко мне.

– У вас не собака, а лошадь. Ей место на конюшне.

– Арк останется со мной, – отрезала я, потрепав пса по голове, – хотя я не против конюшни. Все лучше, чем рядом с вами.

Не собиралась я этого говорить, само вырвалось. Он меня разозлил до жути, до зубовного скрежета. Давненько меня никто не выводил из себя – настолько, что все привычные маски сползали в мгновение ока.

Де Мортен зло усмехнулся, медленно спустился по лестнице и подошел ко мне.

– Вас никто не держит.

Дворецкий уже успел подняться, с видом оскорбленного достоинства отряхнуть сюртук, закрыть дверь и потереть горло, после чего замер ожившим изваянием. Надменности в нем не убавилось ни капельки, а я вспомнила, что мой сундучок остался снаружи. Не думаю, конечно, что его мигом украдут в таком районе, но сам факт!

– К сожалению, держит. – Я стянула перчатку.

Взгляд де Мортена потемнел еще больше: в такие глаза лучше не заглядывать – пропадешь, а лицо словно непроницаемая маска. Что за ней? Злорадство? Ненависть? Безразличие? Змея пульсировала – за вчерашний день она заметно подросла и теперь снова обвивалась вокруг запястья. Пока что это никак не отражалось на моем самочувствии, если не считать безумного влечения к мужчине, который смотрел на меня сверху вниз: пренебрежительно – так, что хотелось съежиться до размеров муравья и уползти с глаз долой.

– Сочувствую. – Он коснулся моего подбородка, заставил поднять голову. – Одна комната на втором этаже. Не стойло, не ковер возле камина в гостиной, а гостевая спальня. Напомнить вам условия?

Пальцы Винсента мягко касались подбородка, но вырваться не хотелось. Да какой там

вырваться, если малейшее невинное прикосновение отозвалось тянущим, сладким теплом между ног. Хотелось податься вслед за его рукой, почувствовать ладонь на щеке... А хуже всего было то, что он знал, как заклятие на меня действует.

– Не припомню, чтобы мы обсуждали условия, – холодно отозвалась я, отступая на шаг назад. Он тут же сжал кулак, опустил руку.

– Пока вы живете здесь, делать будете все, что я скажу. Не превращайте мой дом в цирк, не донимайте меня и не оскорбляйте моих слуг. То же касается псины. Ведите себя тихо. Оба.

– Донимать вас? Да чем меньше мы будем видеться, – я беззаботно пожала плечами, – тем лучше.

Уголок его губ едва уловимо дернулся, он повернулся к дворецкому:

– Гилл, проводите леди Луизу Лефер в гостевую комнату.

Тот побелел, когда услышал мое имя. Точно, позавчера я представилась сценическим псевдонимом, а Винсент, похоже, предупредил о визите леди. Этот грубиян все напутал, но его мне было не жаль. Ничуть.

– Вы мой багаж за дверью оставили, – напомнила я дворецкому, а де Мортен неожиданно заявил:

– И еще. Не вздумайте выходить из дома без разрешения.

От такого заявления я слегка опешила. Он что, серьезно?

– Всякий раз, когда мне нужно будет ехать в театр, – я сделала ударение на последнее слово, – придется спрашивать вашего разрешения в письменной форме? Кстати, если Арка не выгуливать, он живо испортит вам ковры и настроение.

Винсент и бровью не повел.

– Псину поручите лакею. А про театр забудьте, больше вы туда не вернетесь.

– Вы с ума сошли? – Я задохнулась от ярости и шагнула к нему. – Сейчас горячий сезон, завтра у меня спектакль.

Де Мортен перехватил мою руку и поднес к глазам: змея заворочалась от его прикосновения, по спине побежали мурашки, сердце забилося чаще. То ли его пальцы были горячими, то ли я не согрелась после улицы, но кисть словно обожгло. Хватка у него железная, еще чуть сильнее сожмет – и останутся следы.

– Женщина, которая живет под моей крышей, не будет играть в театре.

Прозвучало как приказ.

– Я не ваша собственность.

Винсент сжал губы. Казалось, он готов схватить меня за волосы и тащить наверх, в свое звериное логово, чтобы там доказать, насколько я неправа, но он лишь усмехнулся.

– В глазах остальных вы будете ею.

Это прозвучало холодно и равнодушно, а меня выжигало изнутри. Не просто выжигало, колотило от ярости, бессильной злобы и отчаяния. Наплевать на то, как я буду выглядеть, наплевать на заклятие! Театр – это вся моя жизнь, вне его стен, без ставших родными образов я чувствовала себя пустышкой, одинокой и никчемной. Наверное, к работе так относиться нельзя, но я не могла иначе. Я привыкла к чувствам, прописанным сценаристами, настолько, что давно потеряла за ними саму себя. С того дня, как впервые вышла на сцену, – а путь этот был не самым легким, делала все, чтобы каждый сидящий в зале верил в моих героинь, радовался и горевал вместе с ними, смеялся и плакал, ждал минуты воссоединения в любви или трагического финала, чтобы часы от поднявшегося занавеса до последнего акта были незабываемыми, яркими, памятными. Я не могу бросить это все, только потому что он так

решил!

Де Мортен поднимался по лестнице, а я подхватила юбки, вихрем взлетела за ним, схватила за руку и развернула лицом к себе.

– Вы не можете так поступить, – от волнения голос сорвался, сердце бешено колотилось, – знаю, вам наплевать на мои чувства, но вы прекрасно понимаете, что у меня контракт. Если я откажусь играть, тем более сейчас, мне придется заложить дом. Я потеряю все.

– Зато останетесь живы.

Де Мортен сбросил мою руку и пошел наверх. Я смотрела ему вслед и не могла поверить, что это происходит со мной. Вчера я думала, что ничего хуже влечения под заклятием случиться не может, но сейчас поняла, как сильно ошибалась. Он уничтожит все, что мне дорого. Сотрет мою жизнь, будто ее и не было, превратит меня в тень.

Пришлось сделать пару глубоких вдохов и сесть прямо на ступеньки. Все можно пережить, пока я жива, ничего еще не кончено. Дом попробую выкупить со временем или подыскать другой. Я сжала зубы, вспоминая, как выбирала его несколько лет назад, как занималась обстановкой, сколько сил и труда вложила, чтобы сделать его таким, какой он есть – теплым, уютным, не просто четырьмя стенами и перекладинами, а местом, куда хочется возвращаться. Мысль о том, что я его лишусь, была невыносима, но именно благодаря ей вместо обжигающей ярости, туманящей разум, в душе поселилась холодная ненависть. Змея обвивала не только мою руку, она нашла приют в моем сердце.

Последняя неделя выдалась не самой удачной. Попытка воззвать к голосу разума и совести де Мортена, чтобы он позволил отыграть хоть несколько ближайших спектаклей, ни к чему не привела. Точнее привела – к тому, что мне пообещали лично поехать в театр и решить все без моего участия. В том, что он не шутил, сомнений не было, поэтому через скандал и разрыв контракта пришлось поставить точку в карьере актрисы, выслушать много всего приятного от антрепренера – в частности о том, что я всех подставляю, а потом бегать с закладной на дом, чтобы оплатить театру ущерб: билеты на постановки с моим участием были раскуплены до конца года.

За мной постоянно следовал сопровождающий – невысокий неприметный человек, худой, состоящий сплошь из острых углов и вечно теряющийся в толпе. По крайней мере, я никогда не могла уловить, когда и куда он исчезал, и откуда потом появлялся. К такому подарочку де Мортена я отнеслась уже гораздо спокойнее, смирилась, что этот тип ходил за мной повсюду, стоило лишь высунуть из дома нос.

Когда все рушится, единственное спасение – представить, что ты на сцене. Занавес будет опущен, грим смыт, опустошенная ролью ты вернешься домой, а завтра проснешься свежей и полной сил. В жизни все в точности как в спектаклях – и трагедии, и комедии, и любовные истории рано или поздно заканчиваются. Не стоит им позволять завладеть тобой без остатка, потому что расплата может оказаться слишком жестокой. Кому как не мне это знать.

Как только я закрыла все дела, центр Лигенбурга – мой любимый центр, с его оживленными улицами, просторной площадью короля Витейра, на которой пестрели палатки ярмарок, украшенный разнообразием фасадов высоких домов, наполненный многоголосьем разношерстной публики, цоканьем копыт, ржанием лошадей, шумом колес экипажей и окриками возниц, стал для меня недоступен. Дозволялось гулять только в парке, который раскинулся сразу за мостом, – большим, ухоженным, но таком пустынном, словно я поселилась за городом.

Крайне редко здесь кто-то встречался, особенно сейчас, в первые морозные дни, когда стужа и близость реки в считанные минуты превращали любого в ходячую сосульку. Не спасали даже теплые платья и удлиненные по моде меховые накидки. За полтора часа я продрогла так, что начала стучать зубами, но возвращаться в дом герцога не хотелось. Вне его стен я чувствовала себя свободной, а возвращаясь, снова оказывалась в мире, с которым мы друг друга взаимно отвергли. В мире, где женщина – всего лишь приложение к отцу, брату или супругу, где замужество равносильно заточению и где твоя самостоятельность заключается только в решении, что надеть на бал в очередном сезоне.

Начинало смеркаться, становилось еще холоднее, пришлось волей-неволей поворачивать назад. Арк трусил по краю склона, ведущего к воде, изредка оглядываясь на типа, чья остроугольная фигура маячила в отдалении.

– Мне он тоже не нравится. – Мои слова поглотили отчаянные женские крики:

– Элизабет, осторожнее! Элизабет!

Навстречу мне бежала раскрасневшаяся девочка лет пяти, ленты на ее шляпке развевались на ветру, а глаза сияли озорством. Женщина – достаточно пышнотелая, за ней явно не поспевала. Няни с непоседливыми детьми в этой пустоши встречались чаще всего, да

еще изредка пожилые пары, чинно прогуливающиеся под ручку – остальные спали до обеда, а вечера либо коротали у камина, либо выезжали в свет.

– Собачка! – Малолетняя фея бросилась к Арку прежде, чем я успела что-либо сделать. Поскользнулась на обледеневшем краю и покатилась вниз, к реке. Женщина истошно завопила, я же пролетела стрелой через газон, бросилась вниз, и, разумеется, запуталась в юбках. Преодолев несчастные несколько ярдов на пятой точке – со свистом в ушах, под хруст замерзшей травы, ломающегося кринолина и собственные звучные ругательства, девчонку я подхватила у самого края. Она зыркнула на меня – глазищи огромные, перепуганные, но не заревела, а рассмеялась. Радостный лай скачущего рядом пса возвестил о том, что Арк тоже находит это забавным. А вот голосащая на возвышении дама и мой остроугольный невидимка явно были на другой волне.

– Все в порядке? Не ушиблась?

Та покачала головой, широко улыбнулась.

– Нет! Мне даже понравилось!

Пока мы с мелкой хулиганкой взбирались по склону, я умудрилась еще раз навернуться, чем вызвала очередной взрыв заливистого хихиканья и игривое поскуливание дога. В конце концов, именно он вытянул меня вверх – ну не предназначены мои сапожки на высоком каблучке для такого задорного времяпровождения.

– Мисс Элизабет, матушка меня убьет! Посмотрите, во что вы превратили свою одежду!

Женщина бросила на меня быстрый взгляд, схватила воспитанницу за руку и потащила за собой. В том, что Элизабет сегодня достанется, не было никаких сомнений: сначала от нерадивой няни, потом от матери. Но я бы все равно хотела оказаться на ее месте, всего лишь на один вечер. Маму мне знать не довелось – она умерла в то утро, когда я появилась на свет. Поэтому терпеть не могу отмечать Рожденье.

Мимо нас прошел фонарщик, разбрасывая по парку огоньки. Одного взгляда вниз хватило, чтобы понять, что платью пришел конец. Но весь размах катастрофы удалось оценить только оказавшись напротив большого, в полный рост, зеркала в холле. Накидка в грязи, из-под юбок выглядывал почивший смертью храбрых кринолин, перо на шляпке поломалось, в растрепанных волосах торчали сухие травинки, и в целом я выглядела так, словно валялась по земле, как это любил делать Арк.

К несчастью, де Мортен выбрал именно этот момент, чтобы появиться в холле. Он выглядел безукоризненно, в белоснежной рубашке и темном сюртуке – видимо, собирался в гости. Винсент приподнял брови, и под его насмешливым взглядом я почувствовала себя поросенком.

– Ваша псина дурно на вас влияет.

Я сдернула шляпку и критически осмотрела. Один край был погнут, но в целом ничего страшного, починить можно.

– Вы на меня влияете не лучше. Кстати, когда ваша светлость соизволит уделить мне немного времени?

Рядом с ним змея пусть медленно, но все же росла. Сейчас она даже до середины предплечья не доставала, но сама суть мешала мне спать спокойно.

– О чем вы хотели... поговорить? – Он выделил последнее слово, а я поймала себя на мысли, что плююсь на его губы, представляю, как он меня целует, сердце заходится в бешеном ритме. Гадина тут же отозвалась пульсацией, и я с силой сдавила запястье.

«Гореть бы тебе синим пламенем, червяк позорный!»

– Почему эта дрянь все еще растет? Вашими стараниями я ни к кому из мужчин не приближаюсь, даже чтобы поздороваться. Делаю все, о чем вы меня просите...

– Она будет расти в любом случае.

Я недоверчиво замерла.

– Но вы говорили, что заклятие не позволяет противиться воле... мужа и что не должно быть измен.

– Еще я говорил, что мы с вами связаны до тех пор, пока оно не будет разрушено. Чтобы свести его действие к минимуму... – Винсент приподнял брови.

Не нужно быть провидицей, чтобы понять, на что он намекает. То есть я, конечно, догадывалась, что благодаря какому-то доброжелателю буду сходить от желания к де Мортену с ума, но чтобы близость с ним стала жизненной необходимостью?!

– У вас все?

Я подняла на него растерянный взгляд. Если честно, поговорить я хотела не только об этом. Чудо-послание, прилагающееся к шкатулке, я передала Винсенту сразу, а вот он до сих пор ни словом не обмолвился о том, как идут дела.

– Как продвигается расследование? Могу я чем-нибудь помочь?

Интерес во взгляде де Мортена тут же сменился легким раздражением.

– Вряд ли, – Он кивнул на меня, явно намекая на изодранное платье. – Вас лучше даже из комнаты не выпускать, не говоря уж о чем-то большем. Когда все закончится, узнаете об этом первой.

Винсент прошел мимо, словно я была вешалкой.

Спокойно, Луиза. Это всего лишь игра, а желание столкнуть де Мортена с той самой горки – ну, спишем это на временное помутнение рассудка.

– Ваша светлость, еще вопрос можно? – получилось даже не язвительно.

Он развернулся, окинув меня нетерпеливым взглядом, словно спрашивая: что еще?

– Почему вы ведете себя как последняя скотина? – мило поинтересовалась я, но ответа дожидаться не стала. Насладилась сиюминутным замешательством, подхватила перепачканные юбки и гордо потопала к лестнице. Считает, что со мной можно обращаться как с вещью, ни о чем не рассказывать, спокойно выдернуть из привычной жизни, что место женщины в спальне, а не на сцене? Отлично! Ночью я ему такое представление устрою – мало не покажется!

В комнате было тихо и тоскливо, хоть вой. Темные плотно задернутые портьеры, темный балдахин над огромной кроватью с высоким резным изголовьем, темная мебель. Самую чуточку спасало положение светлое постельное белье и кремовая обивка кушетки и в тон ей покрывало со строгим узором. То ли у де Мортена была такая мрачная жизнь, то ли он просто не любил гостей, хотя скорее всего и первое, и второе. Насколько я помню, в прошлом Винсент тоже не жаловал общение, многие и сами его сторонились – из-за тяжелого взгляда казалось, что он смотрит прямо в душу.

Спальню озарил неяркий свет: я включила газовые светильники – здесь они были повсюду, не каждый может себе такое позволить, как и камины во всех комнатах, – пододвинула к комоду стул и устроилась возле зеркала. М-да, придется потрудиться: под глазами залегли темные круги, волосы торчат в разные стороны. Пожалуй, единственный плюс в доме де Мортена – ванная комната. Горячая вода спасет мир – в такой ванной можно нежиться и не думать о том, что через пять минут придется звать служанку с тазиком или выскакивать и насухо вытираться жестким полотенцем, чтобы не замерзнуть еще больше.

В первый же день ко мне приставили горничную, которая стала моей камеристкой. Сейчас она помогла мне раздеться и предложила помочь с ванной, но я покачала головой. Что, у меня сил не хватит кран с водой открыть? Хотя от приятной компании не отказалась бы: дома, с миссис Купер и камеристкой Джейн мы могли вместе устроиться в столовой и разговаривать обо всем на свете, здесь же подобное считалось моветоном. Гилл больше не пытался на меня нападать, но чопорное, сквозь зубы, «леди Луиза» его устами звучало как «бесстыжая девка».

Я не стала задерживать шторы, отделяющие ванну от умывальни. Положила под голову полотенце, устроилась поудобнее и созерцала то серебристо-серый кафель и картину с городским пейзажем, то густой снег за окном. Этот, наверное, еще растает, а вот следующий уже может лечь. Хорошо бы! Там и до катка недалеко. Правда, мне скорее всего каток не светит, у меня же прогулочный маршрут всего один в двух направлениях: склеп-мост-парк. Парк-мост-склеп. То есть дом.

Сам собой сложился стишок:

Вы запретили мне работать,
 Вы запретили мне гулять,
 А завтра буду с разрешенья
 Дышать.

Надо будет записать и отнести ему в кабинет. Или оставить на самом видном месте в гостиной. Я представила на месте узорчатой курительницы в виде дракона де Мортена, прицелилась и запустила в него мочалкой. Она проехала по подставке для раковины и с грохотом свалилась на пол. Маленькое хулиганство не помогло: настроение продолжало ухудшаться. Я привыкла быть в центре внимания, привыкла сама за себя отвечать, а теперь что? Сажу в горячей водичке, пенные пузыри гоняю.

Утешившись тем, что без ванной не обойтись, я все-таки позволила себе еще с полчаса праздного безделья, после чего всерьез занялась реализацией коварного плана. Откопала все

компоненты для зелий, которыми пользовалась по большим праздникам, они у меня хранились в большом кованом ларце, под замком. Еще бы – Луиза Фоссет не была благородных кровей, поэтому все, что я делала, делала под покровом ночи. Как-то на кухню зашла Джейн, водички попить, так я чуть на себя почти готовый крем для улучшения цвета лица не вылила. Вообще-то, я редко прибегаю к магии красоты, но тогда у меня выдалась насыщенная неделя, постоянный грим опять же... Словом, пришлось.

Зато сейчас можно было не прятаться, поэтому захватив с собой все добро, я спустилась на кухню. Увидев меня, повариха – тучная миловидная особа в накрахмаленном фартуке, с убранными под колпак волосами, мигом подобралась.

– Ужин будет вот-вот готов, леди Луиза. Вам подадут в столовой, как обычно.

Угу, как обычно. Ела я в одиночестве – де Мортен не садился со мной за стол, даже если мы – а такое случалось редко, совпадали по времени. Просто кто-то очень любил поспать и выползал из кровати, когда я уже обедала. А еще кто-то очень не любил меня.

От печи тянуло свежей выпечкой, в большой кастрюле булькал ароматный суп с травами. У меня даже в животе заурчало.

– Элия, у вас лишней кастрюльки не найдется?

Та опешила – то ли от просьбы, то ли потому, что я назвала ее по имени.

– Найдется, но...

– Вот и ладненько.

Я подхватила поданную посудину и устроилась за соседним столом. Кухня здесь большая, сразу видно, для нескольких поваров на случай большого приема, поэтому – есть где развернуться. Водрузила ларец перед собой, достала мешочки и склянки и принялась смешивать ингредиенты в нужных пропорциях. Изредка приходилось подглядывать в блокнотик, который лежал тут же, но в основном все делала по памяти.

Повариха с любопытством поглядывала на меня, особенно когда я поставила кастрюлю на огонь и из нее полетели сиреневые искорки. Значит, не разучилась еще. Проблема в том, что если долго силой не пользоваться, она может угаснуть. Совсем. Рецепт-то для всех один и тот же, только у обычного человека вместо действенного зелья получится мутное варево, которым только врагов травить.

– Вы что же, магию разводите? – ахнула она.

– Ага.

Развожу в прямом смысле. Пыльца серебрянки, масло лейского ореха, ягоды зорьяны фиолетовой, веский порошок и водичка. Обыкновенная, питьевая. Ей и развожу.

– А что это будет? – Любопытство пересилило этикет.

– Отрава для герцога, – заметив, как та изменилась в лице, поспешно добавила, – снадобье очарования.

Хотя одно другого не исключает. Я для него – яд. Значит, это отравка.

– Вот оно как!

– Хотите, поделюсь? Все равно его много получится.

– А что оно делает?

– Мгновенно снимает усталость. – Собственно, как раз то, что мне сейчас требовалось. – Никаких темных кругов под глазами, кожа гладкая, сияющая. Если пить пару дней, ломкие волосы восстанавливает, морщины разглаживает. Если неделю, даже похудеть можно.

На последних словах Элия заметно воодушевилась, а потом мы с ней как-то на

удивление ладно разговорились. Снадобье пользовалось особой популярностью в сезон приемов и балов: лучше способа быстро привести себя в форму перед выходом в свет и придумать сложно. Но нужно быть осторожной: от неправильно сваренного зелья можно было наутро проснуться в прыщах.

Вечер складывался на удивление уютно до тех пор, пока на кухне не нарисовался дворецкий. Пришлось спешно уйти: не хотелось для Элии неприятностей. Я оставила ей большую часть снадобья, сама выпила полчашки – ровно столько понадобится, чтобы достойно сыграть встречу с де Мортеном.

К образу тоже подошла с особой тщательностью: тонкая сорочка в пол – не для сна, разумеется, а для того, чтобы ее снять. Светло-голубая, атласная, с жестким лифом на шнуровке, сверху полупрозрачный пеньюар. Волосы расчесывала долго – они отчаянно путаются, особенно после ветра в сочетании с ванной. Когда я крутилась, придирчиво разглядывая себя со всех сторон, они переливались золотом и бликами огненных всполохов. Надо отдать должное, старалась не зря: выглядела отдохнувшей и свежей, будто только что вернулась с побережья. Разве что загара нет, ну так он на мою светлую кожу никогда не липнет.

Часы пробили полночь, я как раз вплетала в свободную косу голубую ленту. Незнакомка в зеркале улыбалась – невинно, откровенно и в то же время завлекательно, у нее не было никаких счетов к мужчине, с которым она собиралась провести ночь. Проще говоря, ей было все равно.

Винсент возвращался позже, но я решила ждать в его комнате. Устроилась на кровати, откинула край пеньюара и принялась рисовать узоры на покрывале. Спальня де Мортена была побольше, а так почти ничем не отличалась от моей. Разве что здесь пахло мятой и табаком, а на столике вместо всяких флакончиков стояла пепельница. Я подавила порыв уткнуться носом в подушку и вдохнуть полной грудью – его запах действовал на меня одуряюще. К счастью, эту глупость я сделать не успела: в коридоре раздались уверенные шаги, а затем дверь распахнулась.

Де Мортен решительно вошел в спальню, снял сюртук и бросил в кресло, замер возле камина, обрамленного темным мрамором, рассматривая яркие всполохи огня. Плечи напряжены: погруженный в свои мысли, меня он даже не заметил. Мне всегда казалось, что этот мужчина сделан из камня и стали, высокомерный, холодный, расчетливый. Но каков он настоящий?

Винсент словно очнулся, потер глаза и расстегнул жилет. Возможно, так бы и продолжил раздеваться, но, видимо, почувствовал мой взгляд, потому что резко повернулся в сторону кровати и замер. Все злоключения, что я испытала по его милости, а заодно и часы подготовки к маленькой мести, стоили этого мгновения, особенно когда он нахмурился и яростно сверкнул глазами.

– Ошиблись комнатой?

– Вы так и не удостоили меня визитом. – Я медленно приподнялась, от чего пеньюар скользнул с плеча, капризно надула губы. – А я ждала! Каждую ночь!

На самом деле после всех тревог и волнений я падала на кровать и засыпала как убитая, но он-то об этом знать не мог. Да и вряд ли у него был с десяток любовниц под заклятием, чтобы проверить, как оно действует на хрупкую женскую психику.

Взгляд де Мортена скользнул по моему телу, от неприкрытых сорочкой щиколоток до глубокого выреза на груди, глаза его потемнели еще сильнее. От одного только взгляда стало

жарко, во рту пересохло, словно я брела по пустыне несколько дней, не имея возможности сделать даже глотка воды. В каком-то смысле так оно и было, поэтому сейчас сладко кружилась голова.

Он подошел, оперся о кровать, навис надо мной.

– И чего же вы хотите?

Читать стихи с выражением. Эротические. По ролям. Даже оделась соответственно, что тут непонятного?

Я невинно взглянула на него, провела пальцами по его щеке и ответила на выдохе – низким, чувственным голосом:

– Вас.

Винсент перехватил руку, резко притянул меня к себе и впился поцелуем в рот. Властно, жадно, вжимая меня в свое тело. Если мгновение назад было жарко, то сейчас я просто плавилась, как свеча. Он то сминал губы, то прикусывал их, то почти нежно ласкал языком, а его руки не позволяли отстраниться, спрятаться от наваждения и его демонической власти. Вождение собиралось сладкой тяжестью внизу живота, дыхание сбилось. Я готова была задохнуться, только бы Винсент не отпускал, но он меня оттолкнул на перину.

– Насквозь фальшивы, как и все ваши куклы, – его голос – низкий, завораживающий, сейчас звучал так, что стыла кровь. Хотелось завернуться в теплый плед, и желательно в другой комнате. – Странно, что держите псину, потому что натура у вас кошачья.

– Недавно вы намекали на мою змеиную сущность. – Я невольно облизнула пересохшие губы. Стоило больших усилий не отпустить маску.

– Это был комплимент. – Де Мортен шагнул ко мне и, прежде чем я успела отпрянуть, уже оказалась на животе. Он без труда удерживал мои запястья, провел по ноге, задирая сорочку. Там, где его пальцы касались змеи, вспыхивали искры – зеленоватое свечение разрывало полумрак, чувственные ощущения заклития растекались по предплечью мягкой, будоражащей дрожью, а от прикосновений к внутренней поверхности бедер хотелось стонать в голос. И все же я нашла в себе силы прошептать:

– Повторяетесь, ваша светлость.

Он не ответил, отпустил мои руки и с такой силой рванул шнуровку лифа, что затрещала ткань. Опираясь на локти, я приподнялась и бросила на него взгляд через плечо, с лихвой возвращая его дерзость, а в следующий миг вскрикнула – Винсент накрыл ладонями отяжелевшие на весу груди, сжимая и поглаживая напряженные соски. Всякий раз, когда он задевал их или обхватывал кольцом пальцев, вздрагивала и подавалась назад. Хотелось почувствовать его в себе или чтобы ласкал ниже – пусть даже небрежно и грубо, как в библиотеке.

Я пришла, чтобы привлечь внимание де Мортена, чтобы доказать, что он ко мне равнодушен. Что же, его равнодушие я сейчас чувствовала и с трудом сдерживалась, чтобы не начать тереться о жесткую ткань брюк, как блудливая кошка, которую на всю весну заперли в кладовке. Всхлипнула, когда его пальцы скользнули ниже и внутрь, бесстыдно вжалась в руку, а спустя миг короткого многообещающего удовольствия этот гад неожиданно отстранился!

Я чуть не взвыла от разочарования – острого, обжигающего ничуть не меньше, чем пламя заклитого желания. А потом все началось по новой: он заставил меня подняться и теперь прижимал к себе спиной. Винсент терзал губами мою шею и плечи, сжимал ноющие соски, я выгибалась навстречу его прикосновениям, стонала в голос. С трудом сдерживала

порыв перехватить руку, направить в себя пальцы и двигаться, пока мир перед глазами не разлетится разноцветным калейдоскопом оргазма.

Дразнящие ласки перешли в издевательски-жесткие, Винсент поглаживал внутреннюю поверхность бедер, мял ягодицы, его ладонь скользила между ног – то мягко, то яростно, почти до боли, и этот контраст сводил с ума. Он водил меня по краю, я хватала воздух ртом, колени дрожали. Наслаждение собиралось внизу живота мучительным, тянущим ощущением. Неужели это чувственная пытка наконец-то закончится?

Ожиданиям было не суждено оправдаться – меня снова отпустили и швырнули на постель, на сей раз на спину. Перед глазами все плыло, но мне удалось задержать на нем взгляд. Винсент не стал раздеваться, но и так заметно, что он отлично сложен. Сильный, мощный, хищный. И сейчас его добычей была я. Додумать не успела, потому что де Мортен задрал мою сорочку выше головы, тем самым спеленав руки и лишив возможности его касаться.

– Что вы творите?!

Язык отказывался слушаться, голос дрожал. Тело превратилось в натянутую струну неудовольственного желания, готовую вот-вот порваться ко всем демонам.

– Разве вы не за этим пришли?

– Я пришла к вам.

Де Мортен приподнял бровь и склонился надо мной. Когда его зубы сжались на соске, взвизгнула во весь голос: острая ласка отозвалась болью во всем теле.

– Хватит! – сдавленно пробормотала я, задыхаясь. – Демоны вас раздери! Или вы сейчас меня трахнете, или...

– Или? – уже за одну эту насмешку стоит его придушить. А может быть, за то, что после «или» мне добавить нечего.

– Пожалуйста, – пробормотала я и добавила уже тише, заранее себя ненавидя: – Я больше не выдержу. Я хочу вас.

– Похоже на правду.

Новый поцелуй – почти нежный, хотя мне было не до того, выветрил из разума оставшиеся мысли, я забыла про роли, и кто я, и где нахожусь. Когда он наконец-то вошел, резким рывком наполняя собой до предела, это было больно, но я не могла дальше сдерживаться: терялась в ощущениях и жгучих глазах, всхлипывала и вскидывала бедра – до тех пор, пока мощная судорога удовольствия не пронзила низ живота. Я задрожала, затем еще и еще. Его сильные толчки разливали по телу новые волны наслаждения, в какой-то миг Винсент содрогнулся вместе со мной. Я услышала его хриплый стон, и наваждение рассеялось.

Он все еще был во мне, но, что самое ужасное, хотелось задержать мгновение этой близости.

– Ненавижу... – яростно прошептала я. – Как же я вас ненавижу!

– В этом вы поразительно искренни. – Винсент приподнялся на руках, освобождая меня, только вместо радости я испытала лишь разочарование. – Пожалуй, только в этом.

Равнодушие в голосе хлестнуло наотмашь. Он поднялся, застегнул брюки и убрал прядь волос, упавшую на лицо, жестко взглянул на меня. А я уж было подумала, что ему ничто человеческое не чуждо.

– Зато вы просто кладезь чувств! – приподнявшись на локтях, прошипела я. – Будь моя воля, обходила бы вас стороной, даже если бы вы остались последним мужчиной в Энгерии!

Лицо его исказила ярость, а глаза сверкнули так, что чудом не поразили молниями. Де Мортен схватил меня за локоть, сдернул с кровати и потащил к двери, не позволив даже надеть туфельки.

– Вы ни демона обо мне не знаете, – прорычал он, – и никогда не стремились узнать! Так что держите домыслы при себе, или я своими руками вырву ваше тщедушное сердечко, леди Луиза.

Винсент буквально вытолкнул меня в коридор и, прежде чем я успела хоть слово сказать, дверь перед моим носом захлопнулась с оглушительным треском. Подобрал расползающуюся сорочку – он ее все-таки разорвал, кутаясь в пеньюар, я побрела в свою спальню. В такой ярости я видела его впервые – обычно большее, что он себе позволял, это пригвоздить неудобного взглядом к любой попавшейся поверхности. Чаще всего к полу, чтобы удобнее было смотреть свысока. Что на него нашло?

– Его светлость уже уехал. – Довольная физиономия Гилла только подстегнула смятение, что я испытывала после вчерашнего. Проснувшись, я снова и снова прокручивала в голове наш вчерашний разговор и пришла к выводу, что его стоит закончить. Возможно, мне даже придется... извиниться.

Слова Винсента меня по-настоящему зацепили. Он говорил, что я никогда не пыталась его узнать, но разве это так на самом деле? Да, встречались мы нечасто, но каждый его визит был отмечен превосходством. Все разговоры велись на отстраненные темы – как, впрочем, и положено во время ухаживаний. Я ни разу не почувствовала себя нужной, скорее, просто девчонкой, которой посчастливилось быть отмеченной сыном герцога, чтобы в будущем поселиться в его жутком родовом замке.

Признаться, этот замок – огромный, мрачный, возвышающийся в окружении леса и холмов, пугал меня не меньше, чем будущий муж. В те годы Винсенту было немногим больше, чем сейчас мне, но он не испытывал уважения даже к возрасту моего отца. Единственный из нашей родни, с кем он держался на равных, был дед. Дед, который с радостью принимал меня даже после жуткого скандала. А ведь я так и не дождалась от него письма.

Перед отъездом я попросила миссис Купер пересылать мою почту сюда и оплатила экономке жалованье на несколько месяцев вперед, потому что все еще не теряла надежды выкупить дом, когда этот кошмар закончится.

– Гилл, на мое имя не было писем?

– Ни единого. И еще. До возвращения Его светлости вам запрещается выходить.

Слово «запрещается» он произнес таким тоном, словно конфету облизывал, смакуя.

Я пожалала плечами и отправилась завтракать. Что я, один день не перебыю без прогулок? Тем более что погода была мерзопакостная – если всю ночь и с утра снег валил хлопьями, устилая ковром улицу и парк, укутывая деревья, то ближе к обеду все растаяло, и пошел дождь – да такой, что стекла заливало потоками и пришлось зажечь светильники, чтобы не ослепнуть, пока буду писать письмо. Я спрашивала, как идут дела и готов ли замок к холодам, согласится ли дед принять меня ближе к Празднику зимы. Жил он, не в пример отцу, далеко от Лигенбурга, поэтому стоило поинтересоваться заранее.

Ближе к вечеру я зашла поболтать к Элии, но Гилл словно чуял, тут же следом влетел на кухню, и мне пришлось уйти. В конце концов, я нашла приют в библиотеке, где состоялось наше первое... гм, близкое знакомство с Винсентом. Если так можно назвать то, что он разложил меня поперек стола и доставил удовольствие. Мысли об этом не вызывали ни стыда, ни сожалений. Разве что легкий прилив возбуждения, даже несмотря на прошлую ночь. Я провела пальцами по краю стола и отправилась изучать книги. Задержалась возле полки, с которой он достал книгу с описанием заклęcia. Если не ошибаюсь, она была на вэлейском, пусть и на старом. Вэлейский я знаю, в детстве в меня гувернантка вбивала его так, что до сих пор забыть не могу.

Я прикрыла глаза, вспоминая обложку: кажется, темно-зеленая, с тонкими золотыми уголками. Вот, точно! «Вэлейские заклęcia и ритуалы». Я вытащила тяжеленный том, включила лампу и устроилась на стуле, стараясь не думать о случившемся здесь.

От описаний в книге волосы на голове шевелились. Все-таки раньше, даже несколько

сотен лет назад, магия была сильнее в разы. Сильнее и опаснее – с ее помощью можно было повелевать природой и людьми, сотворить то, что никакой науке не под силу. Нет уж, лучше не вдаваться в подробности.

Я быстро нашла девушку со змеей и углубилась в чтение. Здесь не было описания плетения – оно и неудивительно, за такое и посадить могли, только история создания, факты и леденящие кровь записи о женщинах. Первые упоминания в нашей эпохе действительно начались в темные времена. Чаще всего, получив власть над женами, мужчины издевались над ними как могли. Я читала, морщилась и понимала, что по сравнению с ними де Мортен ведет себя как светлый. Особенно учитывая наше с ним нелегкое прошлое.

Я уже готова была закрыть книгу, когда внимание привлекла интересная строчка: «... за основу взяли заклинание истинной верности». Что-то такое я помнила из истории, которую с меня спрашивали в юности. В древности воина-армала и его подопечного связывало заклятие на крови. Оно было неотъемлемой частью ритуала священной клятвы жизни, которую страж приносил королю или высокородному дворянину. Заклинание связывало двоих навеки, воин клялся защищать его до последнего вздоха, и неудивительно: если господин погибал, страж умирал вместе с ним.

«При смертельной опасности, угрожающей жизни правителя, змею, таящуюся под кожей, использовали как разящий меч...»

Это еще что значит?!

– Тоже любите читать, леди Луиза?

От неожиданности я подскочила на стуле. Альберт Фрай стоял рядом и улыбался располагающей мягкой улыбкой. Оставалось только надеяться, что мои глаза не вылезают из орбит от того, что я вычитала про заклятие. А читать я действительно любила, кстати. В детстве и юности вообще из библиотеки не вылезала.

– Меня впустил лакей, – пояснил он, – ваш скользкий домоправитель куда-то запропастился, и никто не может мне сказать, когда Винсент вернется. Вы, часом, не знаете?

– Нет, – Я покачала головой, проникаясь к знакомому де Мортена подобием теплых чувств: он назвал Гилла скользким.

– Очень жаль. Что ж, подождем, пока он найдется. – Альберт придвинул стул и сел рядом. – Изучаете теорию постигшего вас несчастья?

– Да, наконец-то решила узнать, что меня ждет в ближайшем будущем.

– Я над этим работаю. Да и герцог де Мортен сделает все, чтобы как можно скорее избавить вас от заклятия.

Интересно, каким образом?

– Избавить себя от моего общества, вы хотели сказать.

– Я сказал, что хотел, леди Луиза.

– Неужели?

– Именно так.

Взгляд зеленых раскосых глаз стал немного прохладнее. Интересно, они друзья? Винсента вынести нелегко и, насколько я знаю, он никого к себе близко не подпускал. Почему сделал исключение для Фрая?

– Что-то уже удалось выяснить?

Может, хоть этот скажет. А не скажет, так от меня не убудет.

– Кровь герцога взяли из его замка.

– Подкупили кого-то? – Я вся обратилась в слух.

– На хранилище установлена серьезная защита. Здесь действовал маг, притом сильный. Предположительно, в разгар летнего сезона. К такому готовились не один день.

Фрай нахмурился, постукивая пальцами по подлокотнику, и я прекрасно понимала его обеспокоенность. Летом балы и приемы даются один за другим. Насколько я знаю, де Мортен не был поклонником увеселений, шумных компаний и высшего света. Разве что его матушка, которая после смерти мужа всеми силами старалась удержать связь с внешним миром и устроить судьбу дочерей.

– Нет никаких предположений, кто мог ему так угрожать?

– Как я уже сказал, я над этим работаю. – Фрай кивнул на книгу: – Удалось найти что-нибудь интересное?

– Выяснила, что вэлейцы позаимствовали основу заклинания у армалов.

– Клятва стража.

А он неплохо подготовился!

– Там говорится, что змея становится разящим мечом. Что это значит?

– Иногда воину приходилось использовать ее, чтобы защитить своего господина.

– Но воины-армалы были очень слабыми магами. Их ценили скорее за физическую силу, ловкость и выносливость.

Альберт изогнул брови – по всей видимости, удивился моему знанию истории.

– Совершенно верно. Но заклятия, что они носили в себе, было достаточно, чтобы поразить угрожающего жизни повелителя человека или даже мага.

– Позвольте угадаю. Это их убивало?

– Чаще всего да. Но некоторые выживали: они лишались даже крохотной искры магии и становились простыми людьми. Чаще всего уходили в отшельники, потому что повторно использовать заклятие было нельзя. Те, кому повезло с повелителем, оставались при нем в качестве слуги до конца жизни.

– Очаровательно. – Я захлопнула книгу. Наша светская беседа обрела совершенно неожиданный поворот, интересным оставалось только одно: куда запропастился Гилл? Он безумно любил все контролировать, в этом они с де Мортеном были поразительно похожи.

– Вижу, вы не сильно переживаете по поводу столь резких перемен. – Альберт менял темы, как избалованная девица наряды.

– Не вижу смысла переживать о том, чего не можешь изменить. По крайней мере, пока.

– И то правда. – Фрай расслабленно откинулся на спинку стула, какое-то время рассматривал стеллажи с книгами, а потом неожиданно поднялся – плавно и грациозно, как дикая кошка. – Пожалуй, попробую разыскать его сам. Приятно было снова вас увидеть, леди Луиза.

Он поцеловал мне руку и удалился так же бесшумно, как и пришел. Я пожалала плечами, вернула книгу на место и еще немного побродила по библиотеке в надежде найти что-нибудь почитать на сон грядущий. Перед глазами мелькали потертые корешки исторических многотомников, старинные собрания магических практик и новехонькие – работ по медицине и биологии, механике и инженерии – чему я, надо признаться, удивилась: отец Винсента не одобрял стремительного развития науки.

Конечно, я не рассчитывала найти здесь Миллес Даскер – первую женщину, чьи романы публиковали в Энгерии под ее собственным именем, но не обнаружила вообще никакой художественной литературы авторов-мужчин. Никаких, даже классики. Похоже, придется попросить миссис Купер собрать мне еще несколько коробок. Вот уж не думала, что у де

Мортена все настолько тоскливо.

В коридоре второго этажа я столкнулась со «скользким домоправителем», он отпрянул так, словно увидел гремучую змею.

– Лорд Фрай уже ушел? – спросила я как можно более небрежно. На самом деле меня куда больше интересовало, не вернулся ли Винсент. Но не признаваться же в этом, тем более Гиллу!

– Только что. – Всякий раз, когда дворецкий задирает нос, фрак на его животике натягивался, и он начинал напоминать перекормленного голубя, который очень хочет взлететь, но не может.

– Не стал дожидаться герцога де Мортена? – вновь закинула удочку я.

– Его светлость вернется завтра, ближе к вечеру, – сообщил он и проплыл мимо, оставив меня наедине с мыслями.

Которые не давали заснуть довольно долго. Всякий раз, когда я закрывала глаза, под ними вспыхивали жаркие картины прошлой ночи, а услужливое сознание то и дело рисовало на моем месте другую женщину. Разумеется, меня это ни капельки не волновало. Во-первых, я с ним только по воле заклятия, а во-вторых, ему приписывали романы с разными женщинами, даже с самой королевой. Хотя светским сплетням верить – глупее не придумаешь.

Змея жгла руку: когда Винсента не было рядом, она принималась расти с немислимой скоростью, и это мне нравилось меньше всего. Если он решит устроить себе продолжительные выходные с какой-нибудь красоткой, мало мне не покажется. Кто вообще придумал это дурацкое заклятие и почему оно работает только в одну сторону?! На мысли, что я злюсь исключительно из-за этого, стало как-то спокойнее. Я выпила воды, удобнее устроилась под теплым одеялом и не заметила, как провалилась в сон.

Сегодня было на удивление тепло. По дорожкам стелился туман, а слабое солнце пробивалось сквозь сырость бодрящей свежестью, открывая взгляду резные скамейки и столбы фонарей. Я даже ослабила ленты на шляпке, позволив ей свободно болтаться за спиной, и сняла перчатки. Все равно меня здесь никто не видит, кроме Арка. Даже угловатый сопровождающий куда-то подевался, хотя я и ему сейчас бы обрадовалась.

Я привыкла быть в центре внимания, после театральной суеты и бесконечной вереницы встреч тишина и уединение удручали. Попытки болтать с Элией Гилл пресек на корню – она рассказала, что ее обещали уволить, если еще раз застанут нас за беседой, поэтому все, что мне оставалось, – читать, играть с Арком и гулять по парку. Еще немного, и я выучу наизусть каждое деревце, застывшее до весны со вскинутыми к небесам, словно в молитве, ветвями, каждый куст и каждую сухую травинку. С закрытыми глазами могу тут ходить и не заблужусь.

Мне отчаянно не хватало общения. Чувств. Полноты жизни. Я и рада была бы это изменить, но гордость не позволяла сделать первый шаг. Винсент действительно приехал вчера поздно вечером – я как раз была в гостинной – прошел мимо, даже не взглянув в мою сторону. Та же история повторилась и на следующее утро, когда мы столкнулись в дверях столовой. Мазнул по мне равнодушным взглядом, бросил короткое приветствие, после чего удалился.

Не знаю почему, но эта холодность меня зацепила. Захотелось наброситься на него и надавать пощечин, только чтобы стереть с холеного лица надменное равнодушие, поэтому я быстро собралась и сбежала на прогулку: не хватало еще выходить из себя из-за этого бесчувственного гада. Ну и разумеется, «забыла» поставить его в известность. Перебьется.

– Луиза!

Мне показалось или это... голос Рина?! Да нет, не показалось – стоял в нескольких шагах от меня: высокий и красивый, как арнейский бог, неуверенно сжимал в руках шляпу. Взвизгнув от восторга, я подбежала к нему и повисла на шее, он подхватил меня за талию и закурил. Только когда он поставил меня на землю, вспомнила, что расстались мы не лучшим образом. И Рин тоже – сдвинул брови, взглянул угрюмо и произнес:

– Прости меня.

Слова дались ему нелегко, но я вообще на него не обиделась, ничуть. Странно, если бы он повел себя иначе.

– Как же я рада тебя видеть!

– Правда?

– Правда!

– И совсем не злишься? – Он внимательно смотрел на меня, будто пытаюсь разгадать, я же с трудом сдержала улыбку. Поразительно, как он вообще стал актером – более бесхитростного и искреннего человека я еще не встречала. Вот уж у кого все на лице написано, так это у Рина Арджи.

– Совсем. – Я подхватила его под локоть, и мы вместе направились по дорожке, вглубь парка. Арк прыгал рядом и радостно лаял.

– Привет, дружище! – Рин потрепал его по голове. – Тогда почему ничего не написала?

– Не написала?

– Я приходил уже пару раз, но меня не пустили, и я принес тебе письмо. Отдал седому такому, с кислой рожей. Но ты не ответила, пришлось у дома ждать, а потом бежать за тобой до парка.

Я сжала кулак. Мало того что письмо не отдал, так еще и не сказал ни слова. Вот же... гад ползучий. Может статья, и дедушкины письма все еще у него или уже превратились в пепел? Некоторых людей даже зонтик под коленку ничему не учит. Ну Гилл, ты доигрался!

– Мне его не передали. – Голос звенел от ярости, и я поспешила сменить тему. – Откуда ты узнал, как меня найти?

– Приставал к миссис Купер – до тех пор, пока она не смилостивилась, ну и... сразу пошел к тебе.

Чувствовалось, что ему по-прежнему неловко.

– Расскажи, как ты сам! Что нового в театре? Сильно на меня злятся?

Рин вздохнул.

– Сейчас уже поспокойнее стало, а первые дни вообще все как на вулкане жили. Искры летели только так, одно слово – и пожар. Думал, поувольняет нас всех к демоновой бабуле.

Ладно, Луиза, пока еще не время расстраиваться. Времени-то прошло всего-ничего – неделя с хвостиком. Хорошо бы наш директор немного поостыл ко дню, когда я освобожусь ото всех змееподобных.

– И остался бы без лучших актеров.

– Луиза, все на тебе держалось. В этой постановке так точно.

Слышать такое было приятно, поэтому я опустила глаза. Сколько в этом было истинного смущения, а сколько – игры, не знаю, грань слишком истончилась в последние дни. У меня даже щеки покраснели вполне натурально.

– Я бы так не сказала.

Рин махнул рукой.

– И что же, спектакль совсем отменили? – Очень хотелось знать, что я одна такая, единственная и неповторимая, и что антрепренер с ног сбился, подыскивая мне замену, да так и не нашел.

– Завтра – первый показ... без тебя.

Неожиданно. И немного обидно.

– И кто же меня заменит?

– Люсьена.

– Люсьена?!

Нет, девочка конечно была хороша в роли любовницы, но как на мой взгляд, здорово переигрывала. И если в образе истеричной графини это допустимо и даже к месту, то Сильви должна быть совсем другой! Я могла бы еще представить, что директор выдернул какую-нибудь подающую надежды девушку из не сильно популярной постановки или попытался переманить из другого театра по-настоящему талантливую актрису – например, Аделину Вальтан. Но – Люсьена?! Настроение мигом испортилось, даже пригревающее не по-осеннему солнце не радовало.

– Расстроилась? – Рин погладил меня по запястью.

– С чего бы? – Я делано рассмеялась. – Думаешь, меня заботят такие глупости?

– Театр значит для тебя очень много.

Разумеется! Много, гораздо больше, чем кто-либо может себе представить, но я никому не собираюсь признаваться в том, что меня волнует какая-то там Люсьена на моем месте!

Тем более что когда я вернусь, это не будет иметь никакого значения. Все это.

– Для меня ты все равно единственная Сильви, – Рин улыбнулся, – и просто единственная.

Я остановилась, запрокинула голову, чтобы заглянуть ему в глаза – бездонные, как раскинувшееся над нами осеннее небо, и такие же яркие. Выбившиеся из прически пряди трепал ветер, и я неосознанно заправила их за ухо. После безмолвного заточения у де Мортена Рин стал для меня глотком воздуха – чистого и прозрачного, как в лесу. Того, который хочется вдыхать полной грудью, пьянеть и сходить с ума от недолгого помешательства.

– Зачем ты это говоришь?

– Потому что я с ума без тебя схожу, Луиза.

Знал бы он, сколько раз мне такое говорили! Но большинство известных мне мужчин подразумевали под этим лишь желание провести ночь в моей постели. А чего хочешь ты, Рин?

– Я много думал, – он сунул руки в карманы, потом резко выдернул, потер друг о друга и обхватил себя, скрестив их на груди, – о тебе... о нас. У меня есть деньги – я удачно вложил их в одно дело. Магазин «Колье Арджери» знаешь?

Знаю ли я? Не найдется ни одной женщины в Лигенбурге, которая хотя бы однажды не замирала у витрины, разглядывая обработанные по последним технологиям камни в изящных кольцах, серьгах, браслетах или колье из платины, золота и серебра. Невероятно дорогие украшения сказочной красоты. Каждое изделие было уникально, ювелир «Арджери» никогда не повторялся. Все камни привозили из Загорья, таких у нас не добывают, обработка проводилась там же – не ручная, фабричная! Магазин появился пару лет назад, и с тех пор пользовался небывалой популярностью, а суммы, которые кавалеры оставляли в нем, чтобы порадовать дам, были просто баснословными.

– Словом, магазин принадлежит мне и моему другу. – Рин помялся и закончил: – Жерар – ювелир, а я веду дела. Подумал, что когда все закончится... когда ты избавишься от этого заклятия, мы могли бы с тобой пожениться и даже открыть свой театр, если ты захочешь продолжать выступать.

– О, – только и сказала я. Хорошо хоть рядом была скамейка, на нее я и присела, нисколько не заботясь о том, что могу замочить платье – испарина тумана покрывала в парке все и вся.

Рин стащил шляпу и принялся ее тереть, а я смотрела на него и не могла поверить в то, что услышала. Он – совладелец «Колье Арджери»?! Невероятно! Вот тебе и бесхитростный мальчик. Мальчик, который снимает квартиру в доме на окраине: я там не была, но неоднократно слышала о том, как в ней тесно, и что он изредка полирует макушкой потолок. К тому же мне, кажется, сделали предложение. Что здесь особенного? Да просто актрисы... редко выходят замуж.

– И? – Он подошел и опустился на корточки, заглядывая мне в глаза. Арк набегался и плюхнулся рядом, вывалив язык и часто дыша. Теперь на меня вопросительно смотрели уже двое.

Можно было бы закатить глаза и хлопнуться в обморок, ну то есть вроде как хлопнуться в обморок, но смелость Рина заслуживала честного ответа.

– Рин, ты же знаешь, что я...

– Забудь об этом. – Он сжал мои руки, и кисть обожгло болью. Вот интересно – змея

жалит, только когда хочешь изменить или в принципе, когда рядом объявляется симпатичный кавалер и просто шепчет тебе на ушко непристойности? – Я все знаю, и я смогу с этим справиться. Если от этого зависит твоя жизнь... Я готов тебя ждать, сколько потребуется.

– Ты думаешь, что сможешь это принять... – сдавленно прошептала я. Угораздило же – оказаться между двух мужчин, да еще и в такой пикантной ситуации! Рин и Винсент разные, как небо и земля, первый – внимательный, нежный, второй... демон пойми что и сбоку галстук-бабочка.

– Не думаю. Знаю.

Он потянулся к моим губам, но я отпрянула. Не потому что испугалась, а потому что понимала: сейчас вручить ему надежду – слишком жестоко.

– Если ты готов ждать, – помедлив, произнесла я, – я найду тебя, когда все закончится.

Рин снова нахмурился, а потом поцеловал мои пальцы, поднялся и подал мне руку.

Назад мы возвращались в молчании, но, как ни странно, я не чувствовала ни малейшей неловкости. Словно так и должно быть – тишина, наше дыхание и топот Арка – то за нашими спинами, то впереди, когда он видел стаю голубей и бросался к ней со всех лап.

Рин проводил меня до двери, и я не стала возражать. Вот только стоило нам разомкнуть руки, а мне перешагнуть порог дома, как ярость, задремавшая было, снова поднялась. Я швырнула накидку прямо на кушетку, туда же полетели перчатки и шляпка.

– Гилл! – Мой высокий голос разорвал тишину этого мрачного логова и вторил ему звон колокольчика. – Гилл!!!

Он появился – не сразу, но появился: надменно взглянул на меня и замер.

– Вы что-то хотели, леди Луиза?

Я была близка к тому, чтобы запустить в него пепельницей, которые в доме были повсюду: де Мортен не стеснялся курить сигары там, где ему нравится, поэтому на всякий случай спрятала руки за спиной.

– О да. Почему вы не передали мне письмо от мистера Арджи?! – Я шагнула к нему, и дворецкий попятился – видно, все еще помнил зонтик.

– Потому что он приносит всю почту мне, – обманчиво спокойный голос Винсента заставил сжать кулаки. Де Мортен спускался по лестнице, небрежно-равнодушный, как Загорье, славящееся невмешательством во время войн. Ну почему, почему рядом с ним меня наизнанку выворачивает от гнева?!

Я глубоко вздохнула и повернулась к нему.

– В таком случае вопрос уже к вам.

– Ваша безопасность – моя забота, а вы всячески ею пренебрегаете. И кто же рассказал вам о письме?

Де Мортен остановился рядом со мной, сложил руки на груди, привычно обжег взглядом – раскаленным, словно угли в жаровне. В позе – скука, но он умел раздавить одним движением и заставить ползать на коленях, не меняясь в лице. Да только не на ту напал!

– Моя безопасность?! – Я скрестила руки на груди и вздернула подбородок. – Если бы заклятие не имело к вам никакого отношения, меня бы уже не было. А про письмо мне сообщил тот, кто его написал.

Винсент прищурился, шагнул еще ближе, за его широкими плечами я уже не могла рассмотреть куда делся дворецкий. Пришлось задрать голову, чтобы смотреть в глаза де Мортену.

– Вы так стремитесь вновь попасть в мою постель, что готовы даже встречаться с

любовником, – уголок рта презрительно дернулся. От вкрадчивых интонаций волоски на руках встали дыбом, по спине побежали мурашки. А еще на него напала болтливость: обычно Винсент выдавал фразы покороче. – И как же он относится к тому, что вы развлекаетесь с другим?

– В отличие от вас, не тыкает меня носом в заклятие. – Я затолкала поглубже позорное желание пустить слезу в духе благородных девиц. Не представляю, что на меня нашло. – Впрочем, вы и так все знаете – ведь почту Гилл приносит именно вам.

Остаться рядом с ним не было никаких сил, но и бежать было некуда. Стоит ему ко мне прикоснуться – и я пойду за ним на край света. Да что там прикоснуться. Он просто стоит рядом, а я готова сдирать с себя одежду и вопить: «Винсент, я вся ваша!» – только чтобы чувствовать его жесткие ласки – снова и снова, до изнеможения, до сорванного криками голоса. Сказать бы, что я схожу с ума в этих четырех стенах, что у меня скоро боязнь замкнутых помещений разовьется, а на улице я буду шараться от людей, потому что их почти не вижу. О том, как меня зацепило его показное равнодушие, потому что все, чего я хотела, – простого приветствия, только не как собаке или служанке, и может, самую чуточку, вопроса о том, как я себя чувствую. Вот только ему наплевать на меня еще больше, чем мне на него. Здорово же придется постараться, чтобы уравнивать себя с ним хотя бы в этом.

– Не драматизируйте, – бросил де Мортен, – мы не на сцене.

Внутри все переворачивалось от желания прижаться к нему, обвивать руками шею и сплетаться в объятиях. В мыслях кожа уже вспыхивала под его пальцами и губами, а в крови струился жидкий огонь желания.

– Чтоб вам в ад провалиться, – процедила я, – хотя сдается мне, вы оттуда вылезли!

И правда – представить на его месте главного демона с рожками и хвостом, было на удивление легко. Да, рога бы ему пошли! Увесистые, как у горных козлов. Еще немного – и я не выдержу, наброшусь на него сама, а завтра буду собирать остатки гордости в чайное ситечко и посыпать ее пеплом свои рыжие кудри. Такого я допустить не могла, а потому позорно сбежала, оставив Винсента в гостинной, наедине с его внутренним льдом, которым можно заморозить Теранийскую пустыню.

Только оказавшись в комнате, прижалась спиной к двери. Сердце колотилось как сумасшедшее, зато я все-таки получила пусть небольшую, но отсрочку. Впервые за все время моего пребывания здесь, эта темница стала для меня спасением.

Я проспала. Обычно вставала рано, но сегодня утром открыла глаза только на мгновение, чтобы сквозь тяжелую полудрему увидеть притаившиеся на комодке полоски солнечных лучей и снова провалиться в сон. А проснулась от стука в дверь. Понимая, что не могу оторвать голову от подушки, сдавленно пробормотала:

– Войдите!

В комнату вплыла камеристка с огромной коробкой – такой, что девушка только чудом удерживала ее на руках. Раньше я бы подскочила, чтобы помочь, но сегодня даже не пошевелилась. Глаза резало от слишком яркого света, руку жгло как никогда раньше, знобило.

– Куда положить, леди Луиза?

Когда я слышала свое имя с приставкой леди, хотелось заткнуть уши.

– Что это?

Последний крохотный подарочек принес крупные неприятности. Если я открою это, в меня по меньшей мере вселится озабоченный дракон. И всякий раз, когда я стану предаваться любви с объектом заклятия, у меня будут вырастать хвост и когтистые крылья.

– Платье, миледи. Его светлость просил передать вам.

От таких новостей я все-таки приподнялась, за что поплатилась дикой головной болью. Какое еще платье?! Для чего?

– Положите на кушетку, Лидия. Спасибо.

– Вам помочь одеться?

– Я еще полежу. Зайдите через час.

Камеристка выполнила просьбу, после чего бесшумно удалилась и прикрыла за собой дверь. Облизав пересохшие потрескавшиеся губы, я подползла к изножью кровати и стянула с коробки крышку. Платье оказалось на удивление красивым: бледно-розовый шелк – приглушенный, нежный цвет, с агрессивными черными вставками в виде резных узоров, взбирающихся по подолу, подобно плющу. Декольте достаточно глубокое, одна половина лифа нахлестом заходит на другую черным кружевом, переходящим в пепельный муар, рукава короткие, пышные. К платью прилагались коробки поменьше: в первой были кремовые перчатки, а во второй без преувеличения роскошное бриллиантовое кольцо, серьги и браслет. На коробке с драгоценностями значилась эмблема «Колье Арджери» – кольцо с крупным камнем. М-да, мой любовник тратит деньги в магазине, принадлежащем потенциальному жениху! Это уже самая настоящая комедия дурного тона.

Я вытщила платье и обнаружила на дне письма: от Рина, миссис Купер, от Вудворда, и еще стопку конвертов. Нераспечатанные, и на том спасибо. С Рином мы успели поговорить, отчет экономки я пока отложила в сторону, а вот короткую записку графа прочла: он спрашивал о следующей встрече. Ох, надо будет ответить в ближайшее время, со всей этой суетой я даже забыла написать, что мы больше не сможем видеться.

Я внимательно перебрала оставшиеся конверты, но вестей от деда по-прежнему не было, сплошные записки от поклонников, мне писали по сотню раз в неделю. Строчки расплывались перед глазами, и я отложила письма в сторону.

С трудом поднявшись с кровати, подошла к зеркалу и ужаснулась. Под тонким длинным рукавом сорочки отчетливо виднелась змея: она была еще больше, чем в самый первый раз,

переползла с локтя на плечо, отчетливо выделяясь под кожей. Я с трудом подавила крик и отшатнулась – это чем я так себе удружила? Встречей с Рином? Или же... В голове всплыли слова де Мортена: чем больше я сопротивляюсь воле супруга, тем быстрее заклятие меня убивает. Но ведь мое влечение никак не связано с его волей? Или связано? Неужели все дело в этом?! И что теперь делать?

Голова кружилась, было не до великих размышлений, поэтому я быстренько привела себя в порядок – к счастью, у меня завалилась баночка с кремом для мгновенного улучшения цвета лица. Не знаю, как я, а моя копия по ту сторону зеркала была слегка зеленовата. Дожидаясь, пока подействует крем, я впервые за долгое время надела платье «радость пуританина», застегивающееся на груди – с высоким воротом, строгое, темно-синего цвета, потому что не испытывала ни малейшего желания показывать горничной змею. Волосы просто стянула в пучок на затылке и отправилась искать де Мортена.

Он обнаружился в кабинете: что-то писал, а когда я вошла поднял голову и пристально посмотрел на меня. Оказалось, я привыкаю к этим взглядам, поскольку трепета перед ним не ощутила. Ну или просто мне сейчас было не до чего – все вокруг словно подернулось дымкой тумана. Яркий свет лился из широкого окна, заливая цветы, и сегодня ни кабинет, ни де Мортен не выглядели мрачными. Под глазами Винсента тоже залегли круги – совсем как у меня полчаса назад. Может статья, Фрай прав, что герцог сбился с ног, решая нашу общую проблему.

– Чем обязан?

– Встречный вопрос, – видимость моей выпавшейся и довольной жизнью персоны заканчивалась в подгибающихся ногах и холодеющих пальцах, поэтому я поспешила сесть, не дожидаясь его приглашения, – чем обязана такому дорогому подарку? Вы даете прием?

Де Мортен промокнул и отложил перо, которое с силой сжимал с той минуты, как появилась я.

– Сегодня вы будете сопровождать меня в театр.

– Куда я буду вас сопровождать? – Я подалась вперед в надежде, что мое полупридушенное состояние отметилось слуховой галлюцинацией.

– На спектакль «Злая любовь». Будьте готовы к семи, – не приглашение. Просьба, от которой нельзя отказаться.

Винсент вернулся к письмам, не дожидаясь ответа. Учитывая, что до этого он меня обходил стороной, прозвучало как откровенное издевательство. Я и сама бы не придумала мести лучше. Мой театр. Мой спектакль. Мои зрители. И он предлагает сесть рядом с ними, и смотреть как Люсьена крадет мою роль, а сам будет наслаждаться моим бессильным отчаянием. Интересно, давно де Мортен это задумал?

Перехватило дыхание, я даже забыла про полыхающую под рукавом боль. Хотелось вскочить, бросить ему в лицо, что может отдать платье Гиллу и попросить пустить на тряпки, что никуда я не пойду. Вот только чего я добьюсь? Просто лишний раз доставлю ему удовольствие.

– Не бойтесь, – я поднялась и мило улыбнулась, – что о вас станет говорить весь свет?

– Раньше вас не беспокоила моя репутация.

Винсент продолжал писать. Если б не вспышка ярости той ночью, я бы вообще подумала, что он не способен на какие-либо чувства.

– Я изменилась, – я передернула плечами, – можете себе представить? Вот и терзаюсь, как бы вам не навредить.

Де Мортен на мгновение замер.

– Хорошо. Если вам нравится сидеть дома, не стану настаивать.

Он так и не поднял головы, просто вернулся к своему занятию, а я опешила. Вот ведь змей! Прекрасно знает, что я тут на стенку лезу. И если положить на чашу весов страх увидеть, как рушится моя карьера и возможность обольстительно улыбаться, слышать комплименты и снова чувствовать себя прекрасной, желанной, восхитительной, то второе явно перевесит. Я вдруг поняла, что хочу туда пойти. А еще показать ему, кто я есть на самом деле, и что его тиранические методы не работают – буду смеяться и флиртовать, этот вечер станет самым счастливым за последние дни. Счастливым, потому что я наконец-то окажусь в окружении живых людей, а не каменного истукана, его скользкого прихвостня и безмолвных слуг, которые лишнее слово боятся сказать.

Я развернулась и вышла из кабинета, к назначенному же часу спустилась вниз. Чтобы привести себя в порядок, пришлось знатно потрудиться: змея продолжала расти, и у меня случился жар. К счастью, пышные рукава платья и длинные – выше локтя перчатки, уходящие под них, спрятали ее полностью. Лидия помогла мне с прической, с помощью шпилек мы собрали волосы наверх, чтобы придать объем, и оставили длину ровно настолько, чтобы прикрыть шею и вырез на спине. Снадобье очарования, большую часть которого я снова оставила Элии для похудения, сделало свое дело. Только глаза лихорадочно блестели, потому что с целительскими зельями мне было не сладить, а посылать за Себастьяном не осталось времени. Но оно и не страшно – блеск в глазах всегда можно списать на восторг, бледность на волнение, а покрасневшие губы спрятала мягкой помадой.

Я даже духи нанесла – легкий, сладкий аромат с яркой горчинкой. Как раз к платью, которое пришлось точно впору: плотно облегало грудь и талию, а подол струился вниз шелестящими потоками шелка. У меня и шляпка к нему нашлась, в тон перчаткам с широкими атласными лентами, завязывающимися в большой бант, и утепленная накидка – бежевая, с тончайшей меховой оторочкой. Разглядывая себя в зеркале, я с трудом удержалась, чтобы не начать прыгать от восторга. Я еду веселиться! Сейчас не смущало даже то, что у меня изредка темнело перед глазами. С этим можно и вечером разобраться. Точнее, ночью. Ах, да как пойдет!

Из гостиной тянуло мятой – де Мортен расположился на диване и курил. Он медленно осмотрел меня от кончиков туфель до прически, лишь на мгновение задержал взгляд на груди, и глаза Винсента потемнели. Он, казалось, совершенно забыл про сигару, бесстыдно рассматривая меня. Я отвечала тем же: де Мортен был демонически привлекателен в вечернем черном фраке и белом галстуке, с зачесанными назад волосами. К счастью, он обрел дар речи раньше, чем я мысленно развила эту тему.

– Рад, что вы передумали.

Мог бы и на комплимент расщедриться, ну да ладно. Услышать такое от Винсента уже большое достижение, в его голосе полностью отсутствовало привычное издевательство. Он отложил сигару и подал руку, которую я с улыбкой приняла. Хорошо хоть сквозь перчатки не чувствуется, что я как печка.

В голове то и дело мутилось – всякий раз, когда у меня случался жар, я вела себя как пьяная. Помнится, когда лет в двенадцать сильно простыла, отец на повышенных тонах допытывался у прислуживающей мне горничной, чем и зачем она напоила юную леди, то есть меня, та со слезами объясняла, что это от недомогания, а я лопотала что-то маловразумительное и смеялась над плавающим по комнате сердитым родителем.

– Я тоже рада. – Я запрокинула голову. Невыносимо хотелось, чтобы он меня поцеловал.

Винсент смотрел на мои губы, словно думал о том же. На одно короткое мгновение показалось, что он вот-вот прижмет меня к груди, запустит руку в волосы и станет терзать меня поцелуями и жадными ласками. Воображение тут же нарисовало необыкновенно яркую картину, как именно он унимает жар моего тела, от которой я едва не застонала. В отличие от меня воля де Мортена не была связана заклятием, поэтому он моргнул, отвернулся и направился в холл. Подавив разочарованный вздох, я последовала за ним.

– Как вы себя чувствуете? – Винсент подал руку, чтобы помочь выйти из экипажа, нахмурился.

– Раньше вас это не волновало, – ответила я его же словами. – Замечательно!

Королевский театр переливался огнями, в лучах фонарей и его сиянии морозящий дождь рассыпался серебристыми нитями. Здание по праву считалось одним из самых красивых в Лигенбурге: обрамленные каменной лозой арки на нижнем этаже, на втором – сдвоенные колонны, разделяющие высокие окна, а над ними раскинулся массивный купол, увенчанный короной. Фасад украшали скульптуры, полотно широкой лестницы расстилалось до кольца, в котором на постаменте высился каменный всадник с мечом – король Витейр, освободитель Энгерии.

Мы приехали к самому началу представления, основное столпотворение миновали, но из фойе еще не все разошлись. Я постоянно ловила на себе взгляды – заинтересованные, раздосадованные, удивленные. Разумеется, меня узнавали, но вряд ли могли взять в толк, как я очутилась здесь под руку с герцогом.

Над сценой и роскошным партером рассыпался свет: хрусталь люстры, богатое убранство лож и партера, золото и пурпур, свод потолка расписан яркими сюжетами историй любви и трагедий. Очутившись в кресле с бархатной обивкой, в одном из бенуаров^[2], я расслабленно откинулась на спинку и напустила на себя безразличный вид.

– Быть здесь и быть там, – Винсент кивнул на сцену, пока что скрытую от зрителей тяжелым занавесом с золотой драпировкой, – не одно и то же, правда?

Я встретила жгучий взгляд карих глаз, но в нем не было привычной злой насмешки: де Мортен улыбался мне, словно нас связывало не заклятие, а нечто большее. От такой улыбки на миг замерло сердце, и я отчаянно разозлилась. На себя, на него, на это дурацкое чувство – за то, что пусть даже ненадолго позволила себе задуматься о чем-то... странном.

– Как по мне, никакой разницы.

Винсент кивнул седому мужчине, сидящему в соседней ложе вместе с дамой в ярко-красном платье. Тот поспешно вскочил и начал раскланиваться, его спутница покраснела и усиленно обмахивалась веером.

– Вы правы, появление в высшем свете – тот еще спектакль, а главное бесконечный, – уголок губ де Мортена презрительно дернулся.

Началось представление. Публика, которая до этого шептала, шелестела и покашливала, замерла, все обратили внимание на сцену. Винсент не стал исключением, он даже подался вперед. Я же ненадолго закрыла глаза, потому что знала этот спектакль от первой до последней минуты. Начиная с того, как Сильви впервые знакомится с мужем, когда он привозит ее к себе и заканчивая непрекращающимся кошмаром, в котором девушка оказалась по его воле.

Если бы можно было еще и уши зажать, я бы это сделала, потому что слышать голос Люсьены, произносящей «мои» слова, было невыносимо. Еще я вдруг отчаянно испугалась, что меня увидит Рин, случайно повернется, бросит взгляд, и... Глупо, конечно, ему не до того. Я с силой вцепилась в подлокотники: то ли от напряжения, то ли от жара слегка потряхивало. Днем казалось, что я смогу это пережить, что если есть возможность выбраться из пожирающей меня тюрьмы и снова дышать полной грудью, ее упускать нельзя.

Похоже, я ошибалась.

Понятия не имею, сколько времени прошло, пока получилось отвлечься. Кстати, спасибо Люсьене, она так запорола сцену брачной ночи ужимками, что теперь сползти под кресло хотелось уже по другой причине.

– Не понимаю, почему эту постановку назвали шедевром современности, – негромкий голос Винсента отвлек от невеселых мыслей. – Героиня заполучила знатного, состоятельного мужа, к тому же далеко не импотента, но все время ноет.

– Она недовольна состоянием подставочки для ног, – прошептала я, – а эта тема находит отклик в сердцах многих женщин. Смею заметить, и мужчин тоже. К счастью, в наши дни далеко не все считают, что жена нужна только для красоты и плотских утех.

Де Мортен нагнулся ко мне, но сам не особо понизил голос.

– Для чего же еще? Разбираться в мебели?

– И в мебели тоже. – Я сделала вид, что не заметила его издевки. – Между прочим, обстановкой в своем доме я занималась сама. А еще сама вела счета и планировала бюджет. Какой ужас, правда?

– Потому что у вас не было мужа, который не выпускал бы вас из постели. Вот и занимались всякой ерундой.

– Если бы муж не выпускал меня из постели, вряд ли у него оставалось бы время, чтобы вести дела, – я наклонила голову и невинно провела пальцем вдоль шеи, убирая скользнувший на грудь длинный локон, – и мы бы умерли с голоду. Или от перевозбуждения.

– Вряд ли можно назвать мужчиной того, кто не способен совладать со своей женщиной. – Винсент оставил последнее слово за собой, но я не стала продолжать разговор: повернулась к сцене и сделала вид, что увлечена спектаклем.

Сильви в исполнении Люсьены и правда напоминала жертву – картинно заламывала руки и делала страдающее лицо, складывала брови домиком, пускала слезу, голосок ее надрывно дрожал. Она фальшивила, как сломанная скрипка, и не вызывала ничего, кроме желания зевнуть и поинтересоваться – детка, когда твои страдания наконец-то закончатся?

Я с самого начала не видела Сильви несчастной, она могла остаться с мужем или расторгнуть брак. По сути, выбор есть у всех нас, просто кто-то выбирает страдания, а кто-то борьбу. Сильви боролась за себя и свои чувства к мужчине, которого полюбила несмотря ни на что. Правда теперь я не представляла, как обретение любви будет смотреться с такой хлипкой героиней.

Судя по пристальному взгляду Винсента, который я ощущала кожей, моя персона интересовала его гораздо больше спектакля.

– Вы бы в такой ситуации не изображали мученицу.

– Для начала, я бы не вышла замуж. – Я осеклась, понимая, что только что сказала, тем не менее вздернула подбородок: не надо было провоцировать! У меня и так перед глазами все плывет, а я вынуждена вести светские дуэли. Можно было взять свои слова назад, но поперек горла встала гордость.

– Откуда вы знаете, как бы я себя повела? Несколько дней назад вы говорили, что мы ничего не знаем друг о друге! – стоило остановиться, но фонтан красноречия бил ключом. – Да, образ Сильви полومان, потому что вы выдернули меня из дела, которому я собиралась посвятить жизнь! Так что не надо сидеть здесь с видом величайшего ценителя искусства и пространно рассуждать о том, в чем не смыслите ровным счетом ничего.

На нас стали оборачиваться, поэтому де Мортену пришлось натянуто улыбнуться, зато

лед в его голосе предназначался мне.

– Я разбираюсь в людях и умею делать выводы из их поступков, – тихо и с угрозой произнес он.

А потом отодвинулся и молчал до конца первого акта.

Объявили антракт, приглушенный свет настенных газовых светильников стал ярче. Стоило нам спуститься в фойе, отделанное белым мрамором и темным деревом, как один за другим стали подходить знакомые де Мортена, чтобы поприветствовать его и поглазеть на меня.

В другой раз я бы посмеялась над их изумленными взглядами при упоминании имени Лефер, но сейчас мне было не до того. И тем более не до кокетства. Вереница лиц сливалась в сплошной калейдоскоп, вокруг меня мелькали дамы в роскошных нарядах – сливочно-желтый шелк, небесно-голубой атлас, кроваво-алый бархат, и их черно-белые кавалеры – все как один во фраках и при галстуках.

Винсент никого не выделял, а я чувствовала себя так, словно две ночи подряд не спала. Привычно улыбалась в ответ на комплименты, обмахивалась веером, который держала в левой руке и молчала. Мне казалось, что стоит открыть рот – и все вокруг поймут, что со мной не так. Хотя на всех было наплевать, а вот де Мортена радовать не хотелось. К счастью, он был увлечен фальшивым обменом любезностями и скучной обязанностью светских бесед. Оживился только когда увидел немолодого джентльмена в очках и его спутницу, миловидную светловолосую девушку. Та восторженно рассматривала мраморных дев, держащих над головами подсвечники и ручную лепнину на стенах.

К ним де Мортен подошел сам.

– Рад, что вы приняли мой подарок, мистер Пирс. – Он крепко пожал руку мужчине и тепло улыбнулся.

– Ваша светлость, для меня это большая честь! Благодарю вас!

– Бросьте. Вам нравится спектакль?

– Очень, особенно дочери.

Последняя наконец-то отвлеклась от подсвечников, заметила нас с Винсентом и беззастенчиво осмотрела с ног до головы, словно мы сами были музейными скульптурами. От меня не укрылся заинтересованный взгляд, которым девушка наградила де Мортена, а при виде моего платья ореховые глаза засияли: ее скромный светло-зеленый наряд был куда проще.

– Мистер Фрэнк Пирс, талантливый ученый и предприниматель. Джулия Пирс, его дочь. Леди Луиза Лефер.

– Вы преувеличиваете мои заслуги, ваша светлость, – смущенно пробормотал Пирс, но его широкая улыбка говорила сама за себя. Он поклонился. – Миледи.

Сказать, что я удивилась – значит, ничего не сказать. Получается, Винсент прислал им приглашение на спектакль? Ведь он во всем поддерживал отца, а в столкновении науки и магии, накалившемся до предела, аристократия в большинстве своем не принимала полумер. Прежний герцог де Мортен считал ученых выскочками и шарлатанами, которые из кожи вон лезут, чтобы занять в этой жизни место получше и приравнять себя к магам. Он именовал науку злом и отказывался пользоваться любыми ее достижениями.

– Приятно познакомиться, мистер Пирс, мисс Джулия. – Я улыбнулась.

Обожающий взгляд Джулии, адресованный герцогу, отозвался в душе странным раздражением. Я отпустила руку Винсента, извинилась и направилась в дамскую комнату.

Мне было все равно, сочтут ли меня Пирс с дочерью гордячкой, не желающей с ними общаться, и что подумает де Мортен. Теперь уже не только змея полыхала под кожей, я горела вся и хотела просто ополоснуть лицо прохладной водой, чтобы немного прийти в себя. Пол под ногами расплывался, я созерцала размытый узор ковра, подола шикарных платьев, брюки и ботинки.

В стороне уборных было тихо, поэтому злой голос графа Вудворда стал для меня неожиданностью:

– Говорят, вы леди... Луиза Лефер?

Ох, этого мне еще только не хватало! Представление может провалиться, у публики есть сюжет поинтереснее Сильви и Яра – бывшая актриса и герцог де Мортен. Я обернулась и оказалась лицом к лицу с Вудвордом. Светлые глаза прищурены, губы сжались в тонкую полоску. Он смотрел на меня так, словно я предала его чувства, семью и болонку.

– Грэг, вы понятия не имеете, с чем мне пришлось столкнуться.

– Ну как же, – он шагнул ко мне вплотную, – просто вам подвернулся мужчина поинтереснее. С которым вас связывает такое богатое прошлое. И как скоро вы собирались поставить меня в известность?

Ну конечно, стоило упомянуть имя, сразу кто-то припомнил давний скандал. Сплетни в светском обществе распространяются быстрее, чем пожар в засуху.

– Граф, мы с вами взрослые люди и ничего друг другу не должны... – закончить я не успела: он с силой схватил меня за руку и швырнул к стене.

– Не должны, говорите?! – его голос сорвался на свистящий шепот. – Вы с такой охотой принимали мои подарки, чтобы потом променять меня на рыбку покрупнее и раздвинуть перед ним ноги?

Некоторые аристократы выражаются так, что портовым грузчикам впору грызть от досады морские узлы. Хотя для портового грузчика эта пламенная речь была несколько витиеватой.

– Я пришлю вам серьги, браслет и наручники, – пробормотала я, чувствуя, что вот-вот расплаволюсь прямо перед дверью уборной, – и плюшевого медведя в качестве компенсации. А теперь отпустите, мне нужно идти.

Страшнее корыстных девиц только прижимистые мужчины, но за время наших отношений я такого за Грэгом не замечала. Хотя встречались мы несколько лет, с тех пор как он остался вдовцом.

– Вы не леди, вы шлюха! – Щеку обожгла пощечина, голова мотнулась назад, ударилась о стену так, что зазвенело в ушах, я сдавленно вскрикнула. Мимо скользнула какая-то дама, подхватив подол, чтобы даже случайно не коснуться моего платья.

Внезапно Вудворд отшатнулся. Кажется, змея сделала свое дело: на моих глазах и без того невысокий граф становился все меньше и меньше, спустя миг я уже видела только русую макушку с аккуратной проплешиной посередине. Странно, и давно у него этот зачаток лысины?

Я не сразу поняла, что граф стоит передо мной на коленях. Лицо его побагровело, а руки вцепились в шейный платок. Словно в тумане я видела застывшего поодаль де Мортена: он смотрел на Вудворда, как на раздавленного таракана. Леди в голубом платье вскрикнула и картинно свалилась в объятия джентльмена. По театру мелодичным эхом разнесся первый звонок, и Винсент словно оттаял, перевел взгляд на меня. В тот же миг граф закашлялся и рухнул на пол. Никто не сдвинулся с места: все с трепетом взирали на герцога.

Все, теперь спектакль точно провалится.

– Помогите ему, – холодно приказал де Мортен, в два шага оказался рядом и подал руку: – Пойдемте. Вы сами ищете приключений или они вас?

Сил ответить на выговор не осталось. Винсент уводил меня от Вудворда и взбудораженной толпы, а я цеплялась за него и просто переставляла ноги. По лицу его было невозможно что-либо прочесть, но он крепко сжимал мой локоть. А сам вышагивал напряженный, словно в живой камень обратился. На тыльной стороне его ладони проступал узор, похожий на ожог. Древняя боевая магия! Значит, приступ графа случился по вине де Мортена?!

В ложе я плюхнулась в кресло и закрыла рот рукой. Похоже, жар достиг той самой отметки, когда я становлюсь невменяемой. Чтобы не начать хихикать, пришлось вцепиться зубами в ладонь.

– Вам что-то кажется смешным?

– Н-нет, – на меня некстати напала икота, – просто вы... ик... вы меня только что спасли! И это так драматично! То есть... ик... я хотела сказать, романтично!

Светильники на стенах потускнели, лицо Винсента плавало в полумраке, со сцены доносились завывания Сильви-Люсьены и низкий красивый голос Рина.

– Я про вас стишок сочинила! – доверительным шепотом произнесла я, подавшись к нему. Поскольку де Мортен продолжал изображать статую, не стала дожидаться ответа и продекламировала:

«Винсент Биго, герцог де Мортен
Был дружен с правою рукой.
Все потому что он несносный
Такой...»

– Потрясающе интеллектуальная поэзия.

– Я вам стихи посвящаю! Чем вы, спрашивается, недовольны?

– Вы пьяны?! Когда только успели заглянуть в буфет?

– Не забуфечивалась я в глядет, – обиделась я.

Де Мортен резко притянул меня к себе, сдернул платье с плеча и тихо выругался. Под кожей зашевелилась змея, и я едва не взвыла от боли – она и утром была немаленькая, а сейчас, наверное, размером с тропическую гадину.

– Стоит вас выпороть!

Несмотря на сочившийся в голосе гнев, подхватил он меня осторожно, от его близости стало легче. Самую чуточку. Ложа поплыла перед глазами, следом за ней – лестница, холл, скульптуры. Все завертелось калейдоскопом, я куда-то летела в кольце сильных рук.

– Это вы несносная женщина! – рыкнул он.

– Но вы же меня несете! – горячо возразила я.

Де Мортен скрипнул зубами. Я же то и дело проваливалась в темноту, лишь когда приоткрывала глаза, могла рассмотреть его твердый подборок, линию шеи и белоснежный галстук. Слышала стук сердца, ощущала прохладу рук Винсента. Это он такой ледяной или я пылаю еще больше?

– Дышать... больно.

– Не вздумайте терять сознание! – Новый приказ, а следом поцелуй: неожиданно нежный и глубокий.

Я всхлипнула – все мое существо словно превратилось в сплошной комок желания, прильнула к нему, отвечая. Хотелось быть с ним, раствориться в нем без остатка, чувствовать его пальцы везде, чувствовать его... Рассыпающая зеленоватое сияние гадина отозвалась такой болью, что я выгнулась, до крови закусила губу. А потом свет перед глазами померк.

Мне снился странный сон. Де Мортен держал меня на руках, и даже не хотелось отодвинуться. Привычка справляться со всем самостоятельно рассеялась в его сильных, но бережных объятиях. Перед глазами мельтешили огоньки, звуки то оглушали, то доносились до ушей придушенным писком. Стук копыт по мостовой, мягкость бархата, влага дождя на лице, ослепительный свет, такой яркий. Я что, в раю очутилась?

– Луиза!

Голос Винсента я узнала бы среди множества других. Не хочу его видеть! Все проблемы от него! Он ненавидит меня, прикасается ко мне, потому что это необходимо. Стоило его оттолкнуть, но я только крепче прижалась к груди, потерлась щекой о жилет. Запрокинула голову, пытаюсь держать глаза открытыми, облизнула губы. Он был так близко, и я потянулась к нему, чтобы погладить по щеке. Едва не ткнула пальцем в глаз, но де Мортен на удивление проворно отпрянул.

– Всевидящий, за что вы свалились на мою голову?!

– Могу отвалиться обратно! – обиделась я и резко подалась назад. Мир перевернулся, раздался какой-то грохот, и вместе с моими ногами ввысь взметнулось розовое облако шелка – я умудрилась упасть с кушетки, стоящей в изножье кровати и созерцала люстру, плавающую над головой до тех пор, пока ее не заслонила массивная фигура Винсента.

– Это будет тяжело, – пробормотал он, подхватывая меня.

– Я не тяжелая!

– Да замолчите вы уже. Не то я вас и в самом деле выпорю!

Поддерживая меня со спины, он усадил меня прямо на полу, и теперь я напоминала декоративную куклу со сломанной подставкой, которую подперли подсвечником. Роль подсвечника выполняли его колени: Де Мортен расстегивал на мне платье. Я обернулась на него через плечо и улыбнулась.

– Винсент, вы такой красивый!

Он на мгновение замер, а потом с такой силой рванул застежку, что ткань жалобно треснула.

– И грубый! Мне нравится, когда вы такой грубый!

Из-за спины донесся хриплый рык, а я наклонилась вперед и чуть не ткнулась носом в ковер – он успел меня удержать.

– Луиза, посидите смирно, – вздох. – Я вас очень прошу.

– Вы просите? Это так мило! – Я снова обернулась и сделала большие глаза. Но все-таки постаралась выполнить просьбу – насколько могла. Оперлась о ковер и только изредка с силой сжимала пальцы, когда руку пронизывало болью: змея не унималась. Надо отдать де Мортену должное, с платьем он справился на удивление лихо. Несколько минут – и я уже стою, а Винсент пытается разобраться с нижними юбками и кринолином. Невольно приходилось прижиматься спиной к его сильной мускулистой груди, и это было волнующе. Соски напряглись, даже в голове прояснилось – по крайней мере, мутный туман перестал плавать туда-сюда, словно кто-то оглушил меня заклятием морока.

Негромкий щелчок, тяжесть колье скользнула по груди – и отпустила. Он подхватил меня на руки, перешагнул через ворох одежд, отнес на кровать. Покрывало приятно охладило кожу, руку пекло, но я уже не обращала внимания на терзающую меня болью гадину.

Де Мортен раздевался, а я не могла отвести от него глаз. Не лукавила, когда сказала, что он красив: широкоплечий, с мощным торсом и узкими бедрами. Дорожка темных волос на груди и животе, внушительных размеров естество – я с трудом представляла, каким чудом он меня в прошлый раз не порвал. Бесстыдное желание собиралось томительной тяжестью между ног, а когда Винсент опустился на постель и привлек меня в объятия, рванулась к нему.

На этот раз в его взгляде не было пренебрежения или холода, только страсть, которая передалась и мне – настоящая, никак не связанная с заклятием. Наши губы встретились. Он целовал меня то нежно, едва касаясь, то грубо, от чего голова кружилась не меньше, по телу разливался жар – согревающий и пьянящий. Очень скоро наше дыхание сбилось, и де Мортен отстранился, стянул с меня сорочку, задевая грудь, я откликнулась громким стоном.

За нижней рубашкой последовали панталоны, а Винсент склонился надо мной, покрывая поцелуями шею и грудь, лаская внутреннюю поверхность бедер. Я вскинулась в ожидании большего, вздрогнула, когда он погладил и с силой сжал ягодицы. На сей раз меня, похоже, решили не мучить – де Мортен накрыл губами сосок, играя с ним языком, рукой скользнул ниже. Я повторяла его имя, запустила руку в темные волосы и беззастенчиво двигала бедрами, вжимаясь в ласкающие меня пальцы. Легкий поцелуй сменился обжигающим укусом, и меня затрясло от наслаждения – мощного, всепоглощающего. Перед глазами плавали разноцветные круги, Винсент продолжал меня ласкать, пока я металась по постели, а когда затихла, приподнял мои ноги так, что я ступнями уперлась в его грудь.

Я встретилась с ним взглядом – темным, распаленным, напряженные плечи и руки выдавали то, что он уже на пределе. По телу вновь рассыпались мурашки возбуждения, а когда де Мортен медленно вошел, вскрикнула. Острое, ни с чем не сравнимое наслаждение прокатилось по телу, змея полыхала так, что ею можно было бы осветить половину Лигенбурга. Плавные движения, когда сладость переходит в легкую боль, сводили с ума. Я глубоко дышала, но продолжала смотреть ему в глаза: оказалось, что в них легко и приятно теряться. Всхлипывала, кусала и облизывала губы, чтобы не кричать.

Его толчки становились все более резкими, сильными и быстрыми, отзывались томительно-сладкими судорогами. Дыхание Винсента вырывалось хриплыми стонами, теперь я цеплялась за покрывало, кровать под нами ходила ходуном. Он снова накрыл ладонями мои груди, и меня пронзило яростной, жаркой сладостью. Сжимаясь на нем, закричала в голос, услышала его хриплый рык и выгнулась дугой.

Винсент лег на бок, увлекая меня за собой, прижимая к груди, покрытой капельками пота. Под ладонью продолжало неистово биться сердце, понемногу замедляя ритм. Де Мортен закрыл глаза, черты лица смягчились: сейчас он не выглядел грозным, скорее довольным и уставшим. А еще сонным. Удивительно, но Винсент действительно задремал: его грудь опускалась и поднималась от размеренного дыхания. Я успела только подумать, что все это очень и очень странно, а потом и сама провалилась в сон.

Проснулась от того, что чье-то дыхание щекотало шею. Открыв глаза, увидела спящего рядом де Мортена, зажмурилась и ущипнула себя за руку. Увы, он никуда не исчез. Не растворилась после пробуждения и его комната: не такая уж мрачная, как мне казалось. Я сдавленно пискнула, заглянула под одеяло и обнаружила, что полностью голая. Ну да, странно было бы, если бы мы с ним в постели пасьянсы раскладывали на совместное будущее.

Низ живота сладко ныл, а сдвинув ноги, я сдавленно охнула от... гм, не очень приятных ощущений. Промежность саднила, словно я с наждачной трубочкой развлекалась. Да уж, похоже, все случившееся отнюдь не приснилось... Погодите-ка! Мы вчера отключились сразу. Выходит, он меня укутал?

Из-под темно-синих портьер расплескалась полоска дневного света. Я осторожно повернулась на бок и приподнялась на локте, разглядывая де Мортена. Винсент крепко спал, на спине чернел узор татуировки, протянувшийся с левого плеча до самой поясницы. Красивый, мощный дракон с когтистыми лапами, прищуренными глазами, зубастой пастью и чешуйчатой броней, которая слабо сияла голубовато-серебристым светом.

Я таращилась на него, не в силах отвести взгляд – уж не почудилось ли, немного отодвинулась, посмотрела под другим углом – нет, он действительно светился, и я подавила пораженный возглас. Да это же защитный узор! Такие носили воины-армалы – впрочем, они были разрисованы с ног и до головы, в зависимости от вплетенного заклинания магическая защита была сильнее и слабее, но на поле боя именно такие рисунки многим спасали жизнь.

Я поймала себя на мысли, что разглядываю дракона, приоткрыв рот. В памяти сразу всплыли события прошлого вечера – и корчащийся на полу Вудворд, и полыхающий на ладони де Мортена резной ожог боевого заклинания.

Ох, мамочки! Да у него силищи через край. Нанести, зажечь, а главное, носить такое, может не каждый. Если похожий узорчик нарисовать на мне, он через месяц выпьет все соки. Да что там говорить – меня какой-то хилый червяк озабоченности вчера чуть не угробил, который сейчас свернулся пиявкой на ладони и делает вид, что ничего не было!

Ой. Ой-ой-ой!

Я села на кровати и взялась руками за голову, вспоминая, какую чушь вчера несла. Опасливо покосилась на де Мортена, но он даже не пошевелился. И что делать-то теперь? Одна часть меня упирала на то, что стоит немедленно убраться отсюда, захватив панталоны, которые гордо висели на подлокотнике кресла, как белый флаг, другая требовала остаться. Я придушила желание провести пальцами по его плечу, коснуться губами тонкой черты узора под изогнутой лапой дракона... Хм.

Я наклонилась поближе и с ужасом поняла, что никакой это не узор. По смуглой коже протянулась розовато-белая полоса едва различимого шрама. Даже с моими слабыми знаниями анатомии становилось понятно, что били в спину и целились в сердце. От сознания этого бросило в холодный пот. Да уж, веселая у него жизнь, ничего не скажешь. Хотя сразу можно было понять – магическую защиту такой силы просто так не носят.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Антал – денежная единица, аналогичная фунту стерлингов.

Бенуары – одни из самых дорогих лож в театре, для очень важных гостей. Располагаются по обеим сторонам партера на уровне сцены или несколько ниже.